

СЕРГЕЙ ЛИСОВ

МАСТЕРСКАЯ ПОСЛЕ ОТЦА

Сергей Лисов

Мастерская после отца

<https://litres.ru/74636242>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти отца столяр Николай Орлов получает мастерскую, долги и незавершённый заказ: восемнадцать окон и наружную лестницу для гостевого дома. А его взрослая дочь Зоя наследует четверть дела и хочет продать долю, чтобы купить собственное жильё.

Николай привык терпеть, соглашаться и молча расплачиваться за чужие обещания. Но старый аванс почти исчез, древесина испорчена, сроки сорваны, а попытка заложить мастерскую требует согласия дочери. Чтобы закончить отцовский заказ и не потерять Зою, Николаю придётся отделить настоящий долг от чувства вины — и впервые назвать цену не только своей работе, но и каждому уступленному часу.

«Мастерская после отца» — современный роман о семейном деле, взрослой дочери и праве не наследовать чужую привычку жить ради бесконечных обязательств.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Рубанок на верстаке	5
Глава 2. Четверть мастерской	18
Глава 3. Пустой аванс	36
Глава 4. Восемнадцать проёмов	54
Глава 5. Список на стене	73
Глава 6. Отцовский почерк	90
Глава 7. Первая рама	112
Глава 8. Цена ожидания	133
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Сергей Лисов

Мастерская после отца

От автора

После близкого человека остаются не только вещи. Остаются недоделанные дела, обещания, долги и привычный порядок, в котором один просит, другой соглашается, а третьего заранее считают обязанным помочь. Всё это легко называть наследством, будто принять нужно целиком — вместе с чужими решениями и чужим правом распоряжаться твоим временем.

Эта история — о мастерской в рыбацком посёлке, последнем заказе умершего отца и взрослом сыне, который умеет выправить перекошенную раму, но не умеет вовремя сказать «нет». Ему предстоит понять: верность ремеслу не требует повторять каждую отцовскую ошибку, а ответственность перед семьёй начинается с признания, что близкие не являются бесплатным запасом сил.

Дерево хранит след инструмента, но новый мастер ведёт рубанок своей рукой. Так и с наследством: прошлое задаёт материал, а не готовую форму будущего.

Глава 1. Рубанок на верстаке

Ключ повернулся не сразу. Николай прижал дверь плечом, будто с той стороны её держал отец, и только тогда замок поддался. Из щели потянуло сухой стружкой, машинным маслом и холодом. Такой запах стоял в мастерской каждое зимнее утро, но прежде за дверью уже гудел тепловентилятор, а на верстаке дымилась кружка в металлическом подстаканнике. Теперь тишина была полной. Даже часы над шкафом остановились.

Николай вошёл, не снимая шапки. Снег с ботинок остался двумя тёмными следами на бетонном полу. После кладбища прошло девять дней. Всё это время ключ лежал у него в прихожей на блюдце среди мелочи, и Николай каждое утро обходил его взглядом. Нужно было прийти раньше: проверить трубы, забрать документы, позвонить заказчикам. Он отвечал себе, что в мастерской холодно, что нотариус велел пока ничего не делить, что люди поймут. На самом деле ему не хотелось увидеть отцовское место без отца.

Рубанок лежал поперёк верстака, подошвой к двери. Старый, буковый, с потемневшими боками и светлой вмятиной там, где большой палец годами тёр дерево. Аркадий всегда ставил его вдоль края, железкой от себя. Если Николай оставлял иначе, отец молча переставлял. Даже когда они купили электрический фуганок и ручной рубанок стал нужен

раз в неделю, порядок не изменился.

Николай снял перчатку, коснулся рукояти и тут же отдёргнул руку. Дерево было ледяным.

— Ну что, хозяин, — сказал он и услышал, как нелепо голос разошёлся под крышей.

Он нашёл выключатель. Зажглись две лампы из четырёх. Дальняя мигнула и погасла, над станком свет остался желтоватый, слабый. На гвозде висел отцовский ватник, под ним — клеёнчатый фартук, набитый в карманах карандашами. Николай отвернулся к печи.

В мастерской была маленькая железная печь, хотя четыре года назад провели электрическое отопление. Аркадий говорил, что электричество придумано для тех, у кого нет собственных обрезков. Николай набил топку щепой, положил сверху два сухих бруска и чиркнул спичкой. Огонь взялся быстро. Дым сначала пошёл в помещение, потом труба прогрелась и потянула как следует.

Пока печь разгоралась, Николай прошёл между станками. В открытом стеллаже стояли банки с морилкой, на каждой отцовской рукой была написана дата. Под стеной ждали три двери: одна новая, две на ремонт. На козлах лежали длинные брусья, проструганные с двух сторон. Николай провёл ладонью по верхнему. Сосна была холодной и гладкой, сучки обведены синим карандашом. Так отец отмечал места, которые нельзя пускать на лицевую сторону.

За первой стопкой обнаружилась вторая, потом третья.

Заготовки были разложены комплектами и перетянуты бумажной лентой. На верхней отец написал: «Малышева, окно 1, зал, север». Николай снял ленту, пересчитал детали. Две стойки, верхняя и нижняя перекладки, внутренние бруски. Рядом лежал подоконный профиль. Всё подготовлено, но шипы ещё не выбраны.

Он пошёл вдоль стены, читая надписи.

«Окно 2, зал, море».

«Окно 3, кухня».

«Окно 4, кухня».

Дальше — комнаты первого этажа, лестничная площадка, второй этаж. На некоторых комплектах стояли только номера. После двенадцатого заготовки становились грубее: брусья были отпилены в размер с припуском, но не проструганы. Для семнадцатого и восемнадцатого отец лишь отложил доски. У дальней стены под брезентом лежали толстые тетивы для наружной лестницы. Николай поднял край ткани и увидел свежий карандашный крест на древесине.

Восемнадцать окон. Он помнил разговор про гостевой дом, но слышал его кусками. Вера Малышева приезжала осенью, долго сидела с отцом в конторке. Потом они вместе мерили проёмы. Аркадий сказал: большой заказ, зато до весны можно не хвататься за каждую табуретку. Николай тогда менял пол в столовой турбазы за рекой и в мастерской бывал вечерами. Он спросил только, когда начинать. Отец ответил: после Нового года, не суетись.

После Нового года Аркадий дважды пожаловался на тяжесть в груди, но к врачу не пошёл. В третье утро не встал.

Николай нашёл на стене лист картона, где отец обычно писал очередность работ. Верхний край был приколот двумя гвоздями, нижний закрутился от сырости. На листе значилось: «Малышева — рамы январь, стекло февраль, лестница март, установка апрель». Рядом крупно: «До первого мая всё». Под графиком стояли другие фамилии, короткие пометки и стрелки. Из них Николай понял только половину.

Он достал телефон и сфотографировал лист. Экран показал одиннадцать пропущенных звонков за последние три дня. Четыре от Веры Малышевой. Два от Семёна Грачёва, поставщика. Остальные — знакомые номера без подписей. Николай убрал телефон обратно, словно не заметил.

Печь потрескивала. Возле неё уже можно было снять перчатки, но в дальних углах всё ещё стоял сизый холод. Николай поставил чайник на чугунную плиту и вернулся к заготовкам. Если отец успел рассчитать работу, должны быть чертежи. Обычно он держал их в серой папке на нижней полке конторки.

Конторкой называли отгороженный фанерой угол, где едва помещались стол, два стула и шкаф. На столе лежали очки Аркадия, раскрытая тетрадь в клетку и засохший мандарин. Николай сел на отцовский стул. Пружина жалобно щёлкнула. В серой папке оказались счета за электричество, старый договор на ремонт рыбацкого клуба и листы с размерами, на-

писанными на обороте рекламы строительной базы.

«Зал север: 1468 на 1210».

«Зал море: 1472 на 1211».

Цифры шли столбцами. Где-то отец добавлял два миллиметра, где-то вычитал пять, ставил буквы «ч» и «к», понятные только ему. На последнем листе был схематично нарисован лестничный марш и рядом написано: «Вера хочет пошире. Решить на месте».

Николай разложил бумаги по столу. Договора среди них не было. Он выдвинул верхний ящик, второй, третий. В третьем нашёл конверт с надписью «Малышева». Там лежала копия расписки о получении аванса. Сумма заставила его пересчитать строку дважды.

Отец получил больше половины цены заказа ещё в октябре.

Под распиской лежала квитанция на первую партию леса и три чека за фурнитуру. Николай сложил суммы в уме. Они не доходили и до трети аванса. Возможно, остальные чеки хранились в другом месте. Возможно, стеклопакеты уже оплачены. Возможно, Аркадий договорился с Семёном на отсрочку. Слишком много «возможно» для одного утра.

Чайник засвистел. Николай не пошевелился. Телефон снова завибрировал в кармане. На экране появилось имя Веры.

Он подождал четыре гудка и ответил.

— Да.

— Николай Аркадьевич? Наконец-то. Простите, что звоню. Я понимаю, у вас такое горе.

— Ничего.

— Я на похоронах не стала подходить с делами. Но мне нужно знать, что с заказом. Я звонила вчера и позавчера.

— Видел.

— И?

Николай посмотрел через фанерную перегородку на ровные стопки у стены. Если смотреть отсюда, работа казалась начатой хорошо. Дерево закуплено, детали размечены. Отец не бросил пустой цех.

— Работа идёт, — сказал он.

На том конце стало тихо. Вера вздохнула, и Николай представил, как она сидит в своём гостевом доме среди зачехлённых кресел и сложенных матрасов.

— То есть вы берётесь закончить?

— А куда она денется.

— Я не об этом спрашиваю. Аркадий Петрович обещал, что к первому мая всё будет стоять. Окна, подоконники, наружная лестница. У меня с пятнадцатого апреля люди выходят готовить дом. Я уже дала объявления на майские.

Николай потёр переносицу. Срок на картоне он видел. Только срок ещё не был графиком. Он не знал, заказаны ли стеклопакеты, где фурнитура и кто должен помогать с установкой. Восемнадцать окон одному сделать можно, если не отвлекаться и если дерево годное. Но лестница, выезды, под-

гонка — это ещё недели.

— Сделаем, — сказал он.

— По прежней цене?

Вопрос прозвучал сразу, будто Вера держала его наготове.

— Если отец договорился по цене, значит, по цене.

— У меня договор есть. И расписка на аванс. Я могу сегодня привезти копии.

— Не надо сегодня.

— Тогда когда?

Николай посмотрел на календарь. Он всё ещё был открыт на декабре. Над числом двадцать семь отец поставил крест, а тридцать первое обвёл кружком. Новый календарь лежал свёрнутый на шкафу.

— В понедельник, — ответил Николай. — Утром приезжайте.

— Хорошо. Только скажите прямо: срок остаётся?

Ему следовало попросить неделю. Хотя бы два дня. Следовало найти договор, сверить деньги, промерить заготовки, позвонить стекольщикам. Любой мастер сначала смотрит материал, потом называет день сдачи. Отец сам этому учил, когда Николай был мальчишкой и торопился похвастаться готовой табуреткой до того, как вклеил царги.

Но Вера ждала ответа, а Николай с детства не переносил эту паузу — короткое молчание другого человека, в котором уже копилось недовольство.

— Остаётся, — сказал он. — Первого мая.

— Спасибо. Я именно это хотела услышать.

После разговора в мастерской стало словно холоднее. Чайник выкипел наполовину. Николай снял его с плиты и налил воду в отцовскую кружку, не заметив, что взял именно её. На эмали был синий якорь и скол у ручки. Он нашёл пакетик чая в ящике, залил, но пить не стал.

Вера именно это хотела услышать. Не расчёт, не перечень готового, не предупреждение о похоронах и передаче дел. Одно слово: остаётся. Николай сказал его так легко, будто срок хранился вместе с ключом и после смерти отца перешёл к нему целиком.

Он вынес первый комплект к станку. Чтобы согреться и перестать думать, можно было начать с простого: проверить размеры, отметить шипы, выбрать пазы. Работа всегда возвращала вещам ясность. Брус либо прямой, либо поведённый. Угол либо девяносто градусов, либо нет. Дерево не обижалось на линейку.

Николай приложил угольник к торцу. Рез был чистый. Он проверил длину стойки по отцовскому листу, затем вторую. Разница — один миллиметр, в пределах припуска. На верхней перекладине карандашом стояла тонкая линия и буква «Л». Николай понял: левая сторона. Отец подготовил всё аккуратно.

Он включил вытяжку. Мотор загудел, внутри трубы что-то задребезжало. Звук заполнил помещение привычным рабочим шумом, и на мгновение Николай почти поверил, что

сейчас дверь откроется, Аркадий войдёт с улицы, стряхивая снег с кепки, и спросит, зачем он полез к первой раме, когда надо было начинать с лестничной.

Николай выключил вытяжку.

В тишине за стеной скрипнул снег. Кто-то подошёл к двери. Не постучав, вошёл Павел Круглов — в зелёной куртке, с шерстяной шапкой в руке. Он остановился на пороге, увидел Николая у станка и опустил глаза.

— Я свет заметил, — сказал Павел. — Думал, проверить надо. Мало ли труба замёрзла.

— Не замёрзла.

Павел потёр ладонью коротко стриженный затылок. После похорон он дважды писал, что зайдёт, но не пришёл. Последние полгода у Аркадия он почти не работал, брал заказы на лодочной станции. Отец называл это беготнёй за быстрыми деньгами.

— Как ты? — спросил Павел.

— Как видишь.

— Заказ Малышевой нашёл?

Николай насторожился.

— Ты про него знал?

— Я помогал лес разгружать. В октябре ещё. Потом Аркадий Петрович сам взялся размечать. Говорил, после праздников меня позовёт.

— Позвал?

— Не успел.

Павел прошёл к заготовкам, присел возле пятнадцатого комплекта и сдвинул верхний брус. Под ним обнаружились две коробки с петлями. На одной маркером стояло «М». Павел открыл крышку.

— На половину окон фурнитура есть. Остальное он у Грачёва хотел взять.

— Хотел или взял?

— Не знаю.

— Стеклопакеты?

— Разговаривал с заводом в городе. При мне размеры диктовал, но денег тогда не переводил.

Каждый ответ добавлял не ясность, а ещё одно место, куда следовало позвонить. Николай взял со стола отцовский список.

— Тут январь — рамы, февраль — стекло.

— Он быстро считал.

— Он знал, что пишет.

Павел не ответил. Поднял одну из заготовок, посмотрел вдоль волокон и положил обратно.

— Ты будешь заканчивать?

— Уже заканчиваю.

— Один?

— А ты предлагаешь?

Вопрос получился резче, чем Николай хотел. Павел снова снял шапку, хотя так и не надел её.

— Я могу пару вечеров. Только на станции сейчас рубку

собираем, днём никак.

— Пару вечеров мне погоды не сделают.

— Другого пока не обещаю.

Николай слышал отцовскую фразу раньше, чем произнёс её: «Когда тебя из ямы вытащили, часы не считали». Аркадий повторял это при каждом споре с Павлом. Николай не знал толком, что за яма была и сколько отец заплатил, но знал, что после этих слов Павел всегда оставался работать.

Он промолчал. Павел подождал и надел шапку.

— В субботу приду после четырёх, — сказал он. — Если надо.

— Надо.

— Тогда до субботы.

У двери Павел обернулся.

— Николай Аркадьевич, ты договор сначала посмотри. Там лестница не такая простая. Вера ширину меняла, а доплату они, кажется, только на словах обсудили.

— Разберусь.

Когда дверь закрылась, Николай подошёл к окну. Павел пересёк двор, вышел к дороге и быстро зашагал к посёлку. С моря несло мелкий снег. За рыбным цехом белела полоса залива, дальше всё сливалось с небом. В январе Бережки казались наполовину оставленными: закрытые ларьки, перевернутые лодки, тёмные гостевые дома. Весной сюда возвращались рабочие, в мае — первые приезжие. Все зимние обещания нужно было успеть выполнить до их приезда.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Зоя.

Николай посмотрел на имя и не ответил. Дочь наверняка спросит, был ли он у нотариуса и нашёл ли документы на оборудование. Вчера она прислала список: свидетельство на землю, техпаспорт здания, накладные на станки. Слова стояли ровными строками, как в рабочей смете. В конце Зоя написала: «Пап, ничего пока не обещаю от нас обоих».

Он прочитал тогда и решил, что речь о продаже. Теперь фраза всплыла снова, уже после разговора с Верой.

Николай перевернул телефон экраном вниз.

Первый брус ждал на станке. Он проверил упор, выставил глубину и только потом снова включил вытяжку. На этот раз гул показался нужным. Фреза вошла в дерево ровно, без рывка. Из-под кожуха полетела светлая стружка, запахло нагретой сосной. Николай вёл заготовку обеими руками, чувствуя сопротивление волокон. В конце замедлил подачу, чтобы не вырвать край, и выключил станок.

Паз получился чистым. Он провёл по нему пальцем и впервые за утро почувствовал облегчение. Одну деталь можно было считать начатой. За ней пойдёт вторая, потом рама. Восемнадцать — это не бесконечность. Отец справился бы. Значит, справится и он.

Николай взял рубанок с верстака и поставил вдоль края, железкой от себя. Рука сама нашла правильное место. Потом он заметил это и усмехнулся без радости.

На картонном листе у стены январь занимал одно слово:

«рамы». Ни болезни, ни похорон, ни пустых дней между ними там не было. Николай взял красный карандаш и поставил возле первого окна короткую черту. Хотел написать дату начала, но не стал. Под отцовским графиком не нашлось свободного места.

Он перенёс лист чуть выше и увидел на стене бледный прямоугольник, годами закрытый картоном. На чистой штукатурке можно было повесить новый график, но для него пришлось бы снять старый.

Николай оставил всё как было.

Глава 2. Четверть мастерской

К нотариусу Николай опоздал на семь минут. Он успел бы вовремя, если бы не вернулся от автобусной остановки проверить, выключил ли в мастерской печь. Печь была выключена, заслонка прикрыта, на станке лежала первая рама, стянутая ремнями. Пока Николай ходил от ворот к двери и обратно, автобус ушёл. Пришлось звонить Вадиму на старой серой «Ниве» и ехать в районный центр за восемьсот рублей.

Зоя ждала у крыльца. На ней было длинное тёмное пальто, которое Николай помнил ещё с прошлой зимы, и новые ботинки на толстой подошве. В руке она держала прозрачную папку с документами. Увидев отца, не помахала, только посмотрела на часы.

— Автобус пропустил, — сказал Николай.

— Я поняла.

— В мастерскую пришлось вернуться.

— Печь?

Он кивнул.

— Ты всегда к ней возвращаешься, — сказала Зоя. — Даже летом.

Это прозвучало не как упрёк, но Николай всё равно хотел ответить, что однажды старая проводка уже грелась за стеной и что мастерская деревянная. Не ответил. Они поднялись по ступеням. В тесной прихожей пахло мокрой одеждой

и бумагой. Над вешалкой висело объявление с просьбой выключать звук телефона. Николай снял шапку, Зоя провела ладонью по волосам, примятым капюшоном.

— Я вчера звонила, — сказала она.

— Видел поздно.

— Ты прочитал сообщение?

— Прочитал.

— И всё равно уже что-то пообещал?

Николай посмотрел на закрытую дверь кабинета. За ней говорили приглушёнными голосами. В коридоре сидела женщина с мальчиком лет десяти. Мальчик крутил в пальцах номерок от гардероба и слушал их без всякого стеснения.

— Потом, — сказал Николай.

Зоя отвернулась к окну. На подоконнике стоял пластиковый горшок с сухими стеблями. За стеклом с крыши районной администрации сбрасывали снег: двое мужчин в оранжевых жилетах двигали широкими лопатами тяжёлые пласты к краю. Внизу прохожих направляли на другую сторону улицы.

Николай сел на стул. В папке, которую он привёз, лежали свидетельство на землю, техпаспорт мастерской и накладная на ленточную пилу. Остальных бумаг он не нашёл. Аркадий хранил документы в трёх местах: дома в серванте, в конторке и в металлическом шкафу возле сушилки. Ключ от шкафа обнаружился вчера в кармане старой рабочей куртки. Внутри были свёрла, две бутылки машинного масла и жестяная

коробка с советскими монетами.

— Оборудование записывают отдельно? — спросил он.

— Я же присылала список.

— Я не про список. В наследство его отдельно записывают или вместе со зданием?

— Отдельно. Если есть документы. Если нет, всё равно нужно заявить и оценить.

— Кто тебе сказал?

— Нотариус по телефону. И я прочитала.

Николай поморщился. Зоя со школы имела привычку сначала читать, а потом спрашивать. Аркадий этим гордился, пока речь шла об учебниках. Когда она начала читать договоры, дед называл это городской мнительностью.

Дверь открылась. Из кабинета вышли пожилая женщина и мужчина с перевязанной рукой. Секретарь пригласила Орловых.

Нотариуса звали Лариса Михайловна. Она сидела за широким столом, на котором не было ничего лишнего, кроме компьютера, двух стопок бумаг и синей чашки. Николай видел её на похоронах издалека, но не помнил, подходила ли она к нему. Сейчас она поздоровалась с каждым отдельно, проверила паспорта и предложила сесть.

— Сегодня мы принимаем заявления и уточняем состав наследства, — сказала она. — Свидетельства будут позже, после истечения установленного срока. Сейчас важно ничего не пропустить и не создавать у себя ожидания, будто любая

вещь уже принадлежит тому, кто первым взял ключ.

Последняя фраза показалась Николаю обращённой прямо к нему. Он положил ключи от мастерской глубже в карман.

Лариса Михайловна перечисляла имущество ровным голосом: половина дома в Бережках, хозяйственные постройки, автомобиль Аркадия, деньги на двух счетах, доля в праве на здание мастерской, оборудование, если подтвердится его принадлежность умершему. Земельный участок под мастерской в наследство не входил. Он принадлежал Николаю с тех пор, как предприятие разделяли после смерти матери.

— По завещанию, — продолжила нотариус, — Зое Николаевне переходит одна четверть доли Аркадия Петровича в здании мастерской и одна четверть принадлежавшего ему производственного оборудования. Остальное имущество, указанное в завещании, переходит Николаю Аркадьевичу. Там есть отдельное распоряжение насчёт автомобиля, но к мастерской оно не относится.

Николай повернулся к дочери.

— Четверть от его половины?

— Нет, — сказала Лариса Михайловна. — Одна четверть всего здания. Формулировка проверена. Доля Аркадия Петровича позволяла ему распорядиться таким объёмом. После оформления у вас, Николай Аркадьевич, будет три четверти, у Зои Николаевны — одна четверть.

Зоя не удивилась. Значит, она уже знала. Наверное, нотариус объяснила ей по телефону. Николай посмотрел на про-

зрачную папку. Между листами виднелись цветные закладки и распечатанная схема здания.

— А земля моя, — сказал он.

— Земля ваша, — подтвердила Лариса Михайловна. — Это не отменяет право второго собственника на пользование зданием. Порядок пользования вы можете определить соглашением. Если решите продавать долю, действуют правила преимущественного права покупки. Сейчас я прошу вас не обсуждать сделку так, словно наследство уже оформлено и оценено. Но заранее договориться о намерениях разумно.

— Мы как раз хотели, — сказала Зоя.

Николай сжал шапку на коленях. Шерсть была ещё влажной от снега.

— Там дело работает, — сказал он. — Это не дача на четверых. Нельзя угол отпилить и унести.

— Поэтому доли и оценивают, — ответила Зоя.

Лариса Михайловна подняла руку, не давая им продолжить.

— Сначала ещё один вопрос. Вместе с имуществом рассматриваются обязательства. Вы приносили расписку по заказу гостевого дома?

— Копию, — сказал Николай. — Договор сегодня привезут.

— Кто привезёт?

— Заказчица. Вера Малышева.

— Передайте копию договора мне или помощнику. Нали-

чие незавершённой работы важно. Но не всякое обещание умершего автоматически становится вашим личным долгом. Нужно смотреть, кто сторона договора, как оформлена мастерская, какие деньги получены и что сделано.

— Работа начата, — сказал Николай. — Я закончу.

— Это ваше решение как мастера или обязанность, которую вы уже проверили?

Он не сразу понял вопрос.

— Отец взял аванс.

— Я вижу расписку. Не вижу договора и движения денег.

Пока не вижу. Поэтому не могу сказать больше.

Зоя повернула к отцу лицо. В её взгляде не было торжества, только настороженность.

— Сколько аванс? — спросила она.

Николай назвал сумму. Зоя перестала держать ручку над блокнотом и положила её на стол.

— И сколько осталось?

— Это не к нотариусу.

— Но долг входит в наследство.

— Сначала документы соберём.

Лариса Михайловна сделала отметку на листе.

— Правильно: сначала документы. Но Зоя Николаевна как наследник вправе знать о требованиях, которые могут уменьшить стоимость наследства. Если обнаружатся кредиторы, уведомляйте меня. Не отдавайте деньги только потому, что человек сказал: «Аркадий обещал». Просите подтвер-

ждение.

Николай почувствовал раздражение, хотя нотариус говорила спокойно. В Бережках подтверждением часто была память троих людей. Отец чинил калитку Фёдору, Фёдор давал прицеп, когда нужно было вывезти опилки, а через год его сын привозил бесплатно камни на дорогу. Если каждую такую вещь записывать, работать будет некогда.

— У нас не все с расписками ходят, — сказал он.

— Тогда особенно важно не смешать просьбу, благодарность и долг, — ответила Лариса Михайловна. — Иначе вы примете на себя больше, чем оставил вам наследодатель.

Она произнесла последнее слово по-деловому, и Аркадий на мгновение превратился в строку заявления. Николай посмотрел на дату смерти рядом с фамилией отца и отвернулся.

Они подписали бумаги. Лариса Михайловна дала каждому перечень того, что нужно принести: документы на станки, сведения о счетах, договор с Верой, оценку имущества. Зоя спросила, можно ли пригласить независимого оценщика в мастерскую до выдачи свидетельства.

— С согласия Николая Аркадьевича как нынешнего собственника части здания и лица, у которого ключи, — сказала нотариус. — Для предварительного понимания можно. Официальному отчёту потребуется точный состав имущества.

— Я согласен, — сказал Николай раньше, чем подумал.

— Тогда я найду специалиста и предложу даты, — сказала

Зоя.

Её быстрота его задела.

— Сначала надо понять, что отцовское, а что моё.

— Для этого он и придёт.

— Чужой человек не разберёт, чей рубанок.

— А ты разберёшь?

Николай хотел сказать, что конечно. Но увидел перед собой весь инструментальный шкаф: стамески, купленные ещё матерью отцу на пятидесятилетие; японская пила, которую Зоя подарила Николаю; фрезы, которые оба Орлова брали не глядя; четыре одинаковых молотка. За двадцать семь лет вещи потеряли хозяев и стали мастерской.

— Разберусь, — повторил он тише.

На улице Зоя остановилась возле крыльца и застегнула пальто до подбородка. С крыши администрации снег уже сбросили. На дороге осталась серая куча, перемешанная с песком.

— У тебя есть время до автобуса? — спросила она.

— Сорок минут.

— Давай зайдём куда-нибудь.

Они выбрали столовую через квартал. Внутри было жарко, окна запотели, возле раздачи пахло капустой и котлетами. Николай взял чай и пирожок с яйцом. Зоя — кофе из автомата, к которому не притронулась. Они сели у стены под фотографией летнего районного центра, зелёного и неправдоподобно чистого.

Зоя вынула из папки лист.

— Я хочу, чтобы мы сейчас сказали друг другу, что собираемся делать. Не потом, когда всё оформят.

— Работать собираемся. Заказ заканчивать.

— Ты — да. Я спрашиваю про долю.

— Не горит твоя доля.

— Мне горит.

Она придвинула лист. Это была распечатка объявления о продаже однокомнатной квартиры в областном городе. Николай увидел цену и присвистнул.

— За такие деньги там должна быть ещё одна комната.

— Не должна. Дом новый, до работы двадцать минут, не через промзону. Я внесла бронь.

— Какую ещё бронь?

— Пятьдесят тысяч. До конца марта мне нужно подтвердить ипотеку и первый взнос. Если не подтверждаю, часть брони удержат.

— Ты мне ничего не говорила.

— Говорила в декабре. За столом, когда дед ушёл отвечать на звонок. Ты сказал: «Посмотрим после праздников».

Николай вспомнил разговор об аренде, соседях за стеной и хозяине квартиры, который снова поднимал плату. Про бронь он не помнил.

— После праздников ещё не прошло толком.

— Пап, январь заканчивается.

— И что ты хочешь? Продать четверть мастерской перво-

му встречному?

— Я хочу оценить её. Потом предложить тебе выкупить. Если ты не можешь — будем искать другой способ.

— Какой другой?

— Продажа доли. Или всего здания вместе, если договоримся. Может быть, кредит под мою часть после оформления. Я пока выясняю.

Николай отодвинул объявление. На обратной стороне проступали строки другого документа.

— Всего здания не будет.

— Тогда выкуп.

— На какие деньги, Зой?

— Я поэтому и спрашиваю, сколько осталось от аванса и сколько стоит заказ.

Он разломил пирожок. Начинка была холоднее теста. За соседним столом двое водителей обсуждали, где лучше менять передние стойки. Николай различал каждое слово, хотя они говорили негромко.

— Деньги мастерской к твоей квартире отношения не имеют, — сказал он.

— А мастерская имеет.

— Пока заказ не сдан, ничего оценивать толком нельзя. Станки нужны для работы. Материал нужен. Начнёшь сейчас продавать — всё встанет.

— Я не собираюсь вывозить четверть каждой доски.

— На бумаге у тебя четверть. В жизни придёт покупатель

и скажет: пустите меня в цех. Или потребует плату за пользование. Ты этого хочешь?

— Я хочу не отдавать ещё десять лет половину зарплаты за чужую квартиру.

— А я хочу выполнить заказ, за который отец деньги взял.

Зоя наконец отпила кофе и поморщилась.

— Одно не отменяет другое. Назови срок, когда ты сможешь выкупить долю.

— Сначала первое мая.

Срок прозвучал привычно, будто был ответом на любой вопрос. Зоя посмотрела на него внимательнее.

— Почему первое мая?

— К этому дню гостевой дом должен получить окна и лестницу.

— Ты уже подтвердил заказчице срок?

— Подтвердил.

— После того как прочитал моё сообщение?

— Заказ отца был раньше твоего сообщения.

— Я не об этом. Ты подтвердил от нашего имени какие-то деньги или залог?

— Никакого залога.

Это была правда. Николай произнёс её уверенно и почувствовал, как стало легче. Зоя задавала слишком точные вопросы; на точный вопрос можно было дать узкий ответ.

— Сколько осталось от аванса? — повторила она.

— Я ещё не свёл.

— На счёте ты смотрел?

— Не все расходы шли через счёт.

— Сколько на счёте?

Николай отхлебнул чай. Он был крепкий, с привкусом металлического чайника.

— Хватит начать.

— Начать что?

— Работу. Лес куплен, заготовки есть, часть фурнитуры тоже.

— А закончить?

— За четыре месяца деньги приходят. Есть мелкие заказы.

Он вспомнил фамилии под графиком Аркадия. Пока они были не заказами, а короткими строчками без сумм. Но Зое этого знать не требовалось до тех пор, пока он сам не разберётся.

— Значит, аванс потрачен, — сказала она.

— Я такого не говорил.

— Ты бы назвал остаток, если бы он был нормальный.

Николай положил ладони на стол. На правом большом пальце темнела заноза, которую он утром не успел вынуть.

— Дай мне до мая, — сказал он. — Не приводи оценщиков, не выставляй ничего, не разговаривай с покупателями. Я сдам Малышевой работу, получу остаток, потом сядем и посчитаем твою четверть.

— Ты предлагаешь мне потерять бронь.

— Пятьдесят тысяч — не квартира.

— Для тебя, может быть. Для меня это два месяца работы после аренды и выплат.

— Я верну.

— Когда?

Он не ответил. Зоя убрала объявление в папку, медленно совместив края листов.

— Ты сейчас просишь меня подождать бесплатно, — сказала она. — И даже не говоришь, что происходит.

— Я твой отец, а не арендатор.

— Именно поэтому я спрашиваю прямо, прежде чем идти к чужим людям.

— К каким чужим людям?

— К оценщику. В банк. К юристу, если понадобится.

Слово «юрист» Николай услышал как угрозу. Он откинулся на спинку стула.

— Значит, уже решила со мной судиться?

— Нет. Я решила не ждать, пока дедов способ жить станет нашим единственным способом.

— Не приплетай деда. Он тебе эту долю оставил.

— Оставил. И ты сразу объясняешь, почему она пока не моя.

Зоя говорила тихо. От этого спор казался ещё заметнее. Женщина у раздачи подняла голову, потом снова стала протирать подносы.

Николай вспомнил, как Аркадий отговаривал его отде-

лять землю от здания. Мастерская должна быть в одних руках, говорил отец, иначе однажды родня начнёт делить каждый гвоздь. Тогда Николай настоял: участок достался ему от матери и должен остаться его. Аркадий неделю не разговаривал, потом будто забыл. Теперь земля была Николая, здание — не целиком, и отцовское предсказание казалось не мудростью, а дверью, которую тот заранее оставил открытой для этого разговора.

— Я не говорю, что доля не твоя, — сказал Николай. — Я говорю: не сейчас.

— Тогда напиши, когда. Первое мая?

— После сдачи заказа.

— Первого мая ты платишь мне за долю?

— Я не знаю, сколько она стоит.

— Поэтому нужен оценщик.

Они замолчали. Николай доел пирожок, хотя уже не хотел. Крошки прилипли к пальцам. Он собрал их на салфетку одну за другой.

— Привози своего оценщика, — сказал он. — Но ничего не продавай до мая.

— Я не могу это обещать.

— Почему?

— Потому что не знаю цены и не знаю, говоришь ли ты мне всё.

— Думаешь, я тебя обману?

— Думаю, ты сам называешь обещанием то, что ещё не

посчитал. А потом терпишь, пока это не начинает стоять всем вокруг денег.

Николай встал. До автобуса оставалось двенадцать минут.

— Я пошёл.

— Пап.

Он надел шапку.

— Что?

— Покажи мне договор Малышевой и счета. Я умею считать стройку. Это моя работа.

— Когда соберу, покажу.

— Не после мая. Сейчас.

— Посмотрим.

На остановке они стояли по разные стороны стеклянного павильона. Ветер гнал по асфальту сухой снег. Автобус пришёл с опозданием, хотя Николай торопился. Зоя подошла перед самой посадкой и протянула ему лист с телефонном оценщика.

— Он из города, но по четвергам бывает в районе. Я пока не договаривалась.

Николай сложил лист пополам и убрал в карман куртки.

— Позвони, когда доедешь, — сказала Зоя.

— Телефон увидишь.

— Это не одно и то же.

Он поднялся в автобус. Свободных мест было много. Николай сел у окна, положил папку на колени. Зоя осталась на остановке; ей нужно было на другой маршрут. Когда автобус

тронулся, она уже смотрела в телефон.

За городом дорогу заносило. В полях торчали чёрные кусты, у каждого поворота стояли снежные столбики. Николай раскрыл выданный нотариусом перечень. Возле слова «обязательства» Лариса Михайловна поставила галочку. Ниже от руки дописала: «Не признавать устные требования до проверки».

Он перевернул лист. На обороте проступило объявление о Зоиной квартире, лежавшее в папке рядом: цена, площадь, срок брони. Цифры накладывались одна на другую и всё равно не складывались в сумму, которую Николай мог достать к марту.

Телефон завибрировал. Вера написала, что будет в мастерской в десять утра и привезёт договор. Следом пришло сообщение от Семёна Грачёва: «Аркадьевич, по старому долгу решать когда будем? Мне обещано до конца месяца».

Николай перечитал обращение. Семён всегда называл его просто Колей. Аркадьевичем в посёлке был отец. Теперь отчество будто перешло вместе с ключами.

Он не стал отвечать. Открыл банковское приложение и снова посмотрел остаток на счёте мастерской. Суммы хватало на стеклопакеты для трёх, самое большее четырёх окон. Если не брать закалённое стекло для нижнего этажа. Если доставку удастся присоединить к чужому рейсу. Если Павел действительно придёт бесплатно в субботу.

Зое он сказал: хватит начать. Это тоже было правдой, только начало теперь означало три окна из восемнадцати.

Автобус качнуло на снежной колее. Папка съехала с колен, листы рассыпались по полу. Пассажирка через проход помогла поднять техпаспорт. Николай поблагодарил, снова сложил бумаги и застегнул молнию.

В Бережках он вышел у рыбного цеха. До мастерской было ближе, чем до дома. Николай пошёл туда, хотя темнело и печь за день выстыла. Внутри пахло сосной и холодным железом. Первая рама стояла в ремнях ровно, клей схватился. На верстаке лежал красный карандаш.

Николай снял отцовский картонный график со стены. На штукатурке открылся светлый прямоугольник. Он положил картон на стол и рядом написал на новом листе: «Малышева». Ниже — восемнадцать строк по числу окон. Возле первых трёх поставил даты. До первого мая оставалось достаточно клеток, если не вписывать туда долги, оценщика, Зоину бронь и всё остальное.

Лист с телефоном оценщика он приколот сбоку, почти у самого края, где бумагу закрывала дверца шкафа.

Потом Николай достал отцовскую тетрадь и нашёл страницу с авансом. Несколько расходов были записаны без пояснений. Напротив крупной суммы стояло только: «П. закрыл. До весны не трогать». Николай провёл ногтем под буквой. Павел? Поставщик? Пеня? Он не знал.

Телефон снова засветился. Зоя спрашивала, доехал ли он.

Николай набрал: «Доехал. Завтра пришлю договор». Подержал палец над кнопкой, стёр второе предложение и отправил только первое слово.

Потом добавил на новом графике ещё одну строку: «Первое мая — расчёт с Зоей».

Он не написал сумму и не поставил рядом вопросительный знак. Издали строка выглядела так же твёрдо, как отцовское «До первого мая всё».

Глава 3. Пустой аванс

Вера приехала без десяти десять. Николай ещё не успел растопить мастерскую как следует, и она не сняла пуховик, только расстегнула молнию и положила на конторский стол синюю папку.

— Оригинал я не оставляю, — сказала она. — Здесь копия договора, приложение с размерами и все переводы. Расписка отдельно.

Николай подвинул к ней обогреватель.

— Не надо, я ненадолго.

— Вы же хотели всё обсудить.

— Хотела услышать, что работа продолжается. Я это услышала. Остальное обсудим на объекте, когда вы посмотрите проёмы.

Она говорила быстро, словно боялась, что долгий разговор отнимет у обещанного срока несколько дней. Николай открыл папку. Договор был на шести листах, с подписью Аркадия на каждой странице. Заказчиком значилась сама Вера Сергеевна Малышева, исполнителем — Аркадий Петрович Орлов. Не мастерская, не общество, которого давно не существовало, а отец лично.

— Ширина лестницы здесь метр двадцать, — сказал Николай, глядя в приложение.

— Да. Сначала был метр, потом мы решили шире.

— Павел говорил, доплату обсуждали.

— Обсуждали. Ваш отец сказал, что посчитает после установки. Я не отказывалась платить.

— В договоре старая цена.

— Потому что дополнительного соглашения он не привёз. Я трижды напоминала.

Николай перелистнул к графику платежей. Аванс делился на две части. Первую Вера перевела в сентябре, вторую отдала наличными в октябре под расписку. После изготовления рам полагался следующий платёж, после установки — окончательный.

— Почему наличными?

— Аркадий Петрович попросил. Сказал, поставщик даёт скидку, если оплатить сразу.

— Какой поставщик?

— Не знаю. Он сказал: лес уже присмотрел, нужно забрать до дождей.

Николай нашёл в папке копию банковского перевода. Назначение платежа было указано правильно. На расписке отец написал, что деньги получил в счёт изготовления оконных блоков и наружной лестницы. Никакой скидки, никакого поставщика.

— Я могу забрать копии? — спросил Николай.

— Копии — да. На последнем листе мой расчёт того, что уплачено. И ещё: в договоре есть пеня.

Он уже увидел этот пункт. За каждый день после первого

мая набегала небольшая сумма. За неделю — терпимая. За месяц — почти стоимость одного окна.

— До мая далеко.

— Три месяца, — сказала Вера. — Для восемнадцати окон это не так далеко.

Николай посмотрел через перегородку на заготовки. Отсюда были видны только первые шесть комплектов, уложенные аккуратно и ровно. Остальные скрывал станок.

— Первую раму собрал.

— Покажите.

Он провёл её в цех. Вера сняла перчатку и коснулась гладкой стойки. В дереве она не разбиралась, но осмотрела углы, провела пальцем по соединению и спросила, когда будет стекло.

— Закажу после проверки размеров.

— Они же есть в приложении.

— Всё равно проверю на месте.

— Ваш отец проверял.

Николай услышал в этих словах сомнение в нём, хотя Вера, вероятно, имела в виду только лишнюю поездку.

— У каждого мастера своя рука, — сказал он. — Я ставлю — я и меряю.

— Тогда приезжайте завтра. Я буду с девяти.

— Завтра не могу.

Он не знал, почему сказал это. Завтра у него не было ничего, кроме звонков и второй рамы. Но соглашаться сразу

показалось опасным: ещё одно чужое время в новом графике.

— Послезавтра, — добавил он.

— В одиннадцать?

— К десяти.

Вера надела перчатку.

— Николай Аркадьевич, если обнаружите проблему, говорите сразу. Я не прошу делать невозможное. Мне нужно открыться к сезону и понимать, за что я уже заплатила.

Он кивнул. Фраза была разумной, но ответить на неё честно он пока не мог.

Когда машина Веры выехала за ворота, Николай запер мастерскую и понёс синюю папку домой. В доме Аркадия было теплее, чем в цехе, хотя после похорон здесь почти не жили. Николай ночевал у себя, через два двора, а сюда приходил разбирать вещи и искать документы. В прихожей всё ещё стояли отцовские сапоги. На кухне висела клетчатая рубашка, которую Аркадий надевал поверх майки, когда топил печь.

Николай освободил половину стола. Поставил ноутбук, тетрадь, договор Веры и коробку с чеками. Потом принёс из спальни две папки, найденные в нижнем ящике шкафа. На первой было написано «Налоги», на второй — «Текущее». Текущим у Аркадия считалось всё с позапрошлой весны.

Он начал с банковской выписки. Первый перевод Веры поступил девятнадцатого сентября. В тот же день отец опла-

тил задолженность за электричество мастерской и перевёл деньги Семёну Грачёву. Сумма поставщику была крупной, но могла относиться к лесу. Через два дня прошёл платёж страховых взносов, потом — зарплата Павлу за август и сентябрь.

Николай выписал каждую строку на лист. Возле перевода Семёну поставил вопросительный знак.

Вторую часть аванса отец получил наличными. Проследить её было труднее. В октябрьских чеках нашлась покупка соснового бруса и доски. Сумма совпадала с накладной на первую партию леса, которую Николай видел в мастерской. Дальше лежали два кассовых ордера: фурнитура, клей, уплотнитель. Всё вместе не доходило и до половины наличных.

В жестяной коробке из-под печенья обнаружились квитанции, сложенные вчетверо. Николай расправлял их ладонью и раскладывал по датам. Ремонт двигателя вытяжки. Доставка доски. Покупка лекарства в районной аптеке — это он отложил, не считая. Потом увидел фамилию Павла Круглова в расписке.

«Получено от А. П. Орлова в счёт погашения ущерба за рубку катера».

Ниже стояла сумма, дата и подпись владельца лодочной станции. Сумма была почти такой же, как неизвестная запись «П. закрыл» в тетради.

Николай перечитал расписку. Павел работал на лодочной

станции с весны. В июле там обшивали рубку прогулочного катера. Что-то пошло не так: Николай помнил разговоры про поведённую фанеру и испорченный дорогой лак, но отец велел не лезть. «Парень сам разберётся», — сказал тогда Аркадий. Выходило, разобрался отец.

Николай позвонил Павлу. Тот ответил не сразу; на заднем плане работала шлифовальная машина.

— Ты где?

— На станции. А что?

— Выйти можешь?

Шум стих не сразу. Потом хлопнула дверь.

— Вышел.

— Отец платил за ту рубку?

Павел молчал.

— Я расписку нашёл, — сказал Николай. — Почти сто восемьдесят тысяч.

— Платил.

— Почему?

— Потому что был долг.

— Чей?

— Мой.

— Тогда почему платил он?

Павел тяжело выдохнул в трубку.

— Николай Аркадьевич, давай вечером.

— Сейчас ответь.

— Он поручился, когда меня брали. Хозяин станции ска-

зал: либо я возмещаю материал, либо ухажу и он подаёт в суд. У меня таких денег не было. Аркадий Петрович принёс часть.

— Часть?

— Остаток висит.

— На ком?

— На мне. Но хозяин считает, что ваш отец обещал закрыть всё до весны.

Николай посмотрел на выписанную сумму. За окна Веры он получил наличными почти в тот же день.

— Отец отдал её деньги за тебя?

— Я не знал, чьи это деньги.

— А чьи, по-твоему, у него могли быть сто восемьдесят тысяч?

— Он сказал, вычтет из моей работы. Я поэтому к нему вечерами ходил.

— Полгода будешь ходить.

— Я и ходил бы. Только он то отпускал, то говорил, что потом. Я не просил платить за меня всю сумму.

Николай почувствовал, что говорит отцовским голосом: коротко, с нажимом на последнее слово. Это разозлило ещё сильнее.

— В субботу придёшь?

— Договорились же.

— После четырёх.

— Да.

— И бумаги принеси. Всё, что у тебя по этому долгу есть.

— Принесу.

Николай отключился. На листе напротив расписки написал «Павел». Потом зачеркнул вопросительный знак в тетрадной копии. Одна неясность исчезла, но денег от этого не прибавилось.

Он позвонил Семёну Грачёву.

— Наконец-то, — сказал поставщик вместо приветствия.

— Я уж думал, опять до понедельника.

— Какой старый долг ты вчера имел в виду?

— Твой отец брал сухую лиственницу на причальные сходни. Ещё летом. И крепёж.

— Я спрашиваю про перевод девятнадцатого сентября.

— Это он часть закрыл.

— Не лес на окна?

— На окна наличными платил в октябре. Сосна, первый сорт по накладной. Ты же разгружал.

Николай разгружал. Отец тогда сказал, что заказ хороший и до весны мастерская будет обеспечена работой.

— Сколько осталось по старому долгу?

Семён назвал сумму. Не огромную, но достаточную, чтобы поставщик не отпустил новую партию без оплаты.

— И ещё за половину оконной сосны, — добавил он.

— Какую половину? Ты сказал, платил наличными.

— За первую машину платил. Вторую забрал под честное слово. Накладная у меня. Аркадий обещал после Нового го-

да закрыть.

— Вторая машина где?

— У тебя в цеху должна быть.

Николай вспомнил стопку за сушильной перегородкой. Доска выглядела светлее первой, на торцах стояли синие метки.

— Почему в накладной у меня только первая?

— Потому что вторую он не подписал. Торопился. Я при-
вёз, Павел принял. Потом твой отец заболел. Но у меня пу-
тёвка водителя есть и запись со склада.

— Пришли копии.

— Пришлю. И ты скажи, когда платить будешь. Мне не из
чего следующую закупку делать.

— Сначала бумаги.

— Коля, я тебя с детства знаю. Не начинай со мной как
в суде.

Николай посмотрел на памятку нотариуса.

— Именно поэтому пришли бумаги.

Семён хмыкнул, но согласился.

К обеду на столе лежали четыре группы расходов. Мате-
риалы для заказа. Старые долги мастерской. Деньги за Пав-
ла. Обычные текущие платежи — свет, налоги, доставка. Ни-
колай складывал суммы на калькуляторе, сбивался и начи-
нал снова. В третий раз итог совпал.

Из аванса Веры непосредственно на её заказ ушло мень-
ше половины. Ещё часть превратилась в дерево, за которое

не заплатили полностью. Остальное отец направил туда, где было громче и срочнее: электричество могли отключить, Семён перестал бы отпускать товар, хозяин лодочной станции грозил Павлу судом. Каждый отдельный платёж можно было объяснить. Вместе они означали, что Вера уже оплатила чужое прошлое.

Николай открыл приложение банка. На основном счёте оставалось двадцать семь тысяч четыреста рублей. На втором, который отец использовал для налогов, — девять тысяч с мелочью. В кассе мастерской Николай вчера насчитал двенадцать тысяч восемьсот. Даже если взять всё, не заплатив за электричество февраля, выходило меньше пятидесяти тысяч.

Он составил список того, что ещё требовалось: стеклопакеты, оставшаяся фурнитура, пропитка, краска, металл и крепёж для лестницы, доставка в гостевой дом, подъёмник на установку верхних окон. Возле каждой строки поставил приблизительную цену. Для стеклопакетов позвонил на завод. Менеджер попросил размеры и обещал точный расчёт, но названная вилка уже превышала весь остаток.

Николай прибавил стоимость материалов. Калькулятор показал число, от которого он отнял будущий платёж после изготовления рам. Всё равно оставалась дыра.

Он не включал в расчёт собственную работу. Не включал Павла. Не включал отопление мастерской, поездки и возможный брак. Если считать только то, что нельзя сделать ру-

ками из воздуха, денег не хватало.

Николай вышел во двор. Снег перестал, над крышами показалось низкое белое солнце. Соседка Таисия несла к калитке пакет с мусором и кивнула ему.

— Разбираешь ещё?

— Разбираю.

— Аркадий Петрович мне дверцу у буфета обещал подклеить. Она в сарае лежит. Не к спеху, конечно.

— Потом, тётъ Тась.

— Я и говорю, не к спеху. Ты только не забудь. Он за рыбу обещал, я ему осенью две камбалы приносила.

Николай снова кивнул. Таисия ушла, оставив калитку приоткрытой. Он закрыл её и задержал руку на засове. Две камбалы, дверца буфета, несколько часов работы. Это не было долгом мастерской, но сказать соседке так означало бы будто назвать отца обманщиком из-за рыбы.

Вернувшись в дом, Николай перенёс расходы в таблицу на ноутбуке. Зоя научила его пользоваться ею два года назад, когда они считали навес для рыбного цеха. Ячейки сами складывали числа. Он менял цену стекла, убирал подъёмник, сокращал запас фурнитуры, но итог оставался отрицательным.

Можно было попросить Веру досрочно внести следующий платёж. По договору она не обязана, пока рамы не готовы. Можно занять у Семёна, но Семён уже требовал старое. Можно брать мелкие заказы и работать ночами. До мая было

три месяца, однако каждый мелкий заказ отнимал время у большого.

Николай нашёл в телефоне сообщение Зои: «Покажи мне договор Малышевой и счета. Я умею считать стройку».

Он прикрепил фотографию первой страницы договора. Потом убрал вложение. Написал: «Всё нормально, разбираюсь». Не отправил и это.

Вместо дочери позвонил бухгалтеру, который раньше вёл мастерскую. Галина Ильинична работала дома после операции на колене и долго искала очки, пока Николай ждал у неё в прихожей. Квартира пахла мазью и печёными яблоками. На столе стоял старый монитор, рядом — папки с наклейками.

— Я Аркадию в ноябре сказала: нельзя авансом затыкать прежние ямы, — говорила она, открывая программу. — Он ответил, что к февралю всё вернёт. У него должны были рассчитаться за беседки.

— Рассчитались?

— Не полностью. Там заказчик удержал за покраску. Вы спорили, кажется.

— Отец спорил. Я только ставил.

— Вот видишь. А работа общая.

Она распечатала движение по счетам и показала задолженность по налогам. Сумма была небольшой по сравнению с заказом, но срок наступал через две недели.

— Если наследство ещё не оформлено, я могу работать по его договору? — спросил Николай.

— Это к нотариусу и юристу. По-человечески можешь делать рамы, конечно. Но деньги, подписи, ответственность — не делай вид, что всё само продолжилось. У вас даже расчётный счёт на отца.

— Я же сын.

— Для банка это не должность.

Николай убрал распечатки в папку.

— Сколько нужно, чтобы закончить Малышеву?

— Ты у меня спрашиваешь?

— По счетам хотя бы.

Галина Ильинична надела очки и просмотрела его список. Несколько цен исправила вверх. Добавила доставку стекла, расходники и резерв на переделку.

— Зарплату себе поставь.

— Не сейчас.

— Тогда ты не стоимость считаешь, а сколько можешь у себя украсть.

— Мне закончить надо.

— Заканчивай. Только цифра от этого не меняется.

Она вписала оплату Николая отдельной строкой. Потом спросила про Павла. Николай рассказал о долге за лодочную рубку.

— Аркадий любил спасать так, чтобы человек потом всю жизнь помнил, кто его спас, — сказала бухгалтер. — Ты не продолжай.

— Он Павла от суда вытащил.

— Может быть. Только почему за счёт женщины, которая окна заказала?

Николай закрыл папку резче, чем хотел.

— Я не за тем пришёл, чтобы отца обсуждать.

— А за чем? Деньги сами никуда не ходят. Их человек переводит.

На обратном пути он нёс распечатки под курткой, спасая от снега. У мастерской стояла машина Зои. Она сидела за рулём и разговаривала по телефону. Увидев отца, закончила разговор и вышла.

— Ты почему здесь?

— За документами приехала. И хотела посмотреть мастерскую, пока ты не решил, что мне нельзя.

— Я такого не говорил.

— Ключа у меня всё равно нет.

Николай открыл ворота. В цехе было холодно; с утра печь уже прогорела. Зоя прошла вдоль станков, сфотографировала общий вид и шильдики с номерами.

— Для чего это?

— Для оценщика. Предварительно.

— Мы дату не согласовали.

— Я и не привезла его без тебя.

Она увидела первую раму.

— Это для Малышевой?

— Для неё.

— Из восемнадцати?

— Первая всегда дольше.

Зоя подошла к новому графику. Прочла даты напротив трёх окон, потом нижнюю строку.

— «Первое мая — расчёт с Зоей». Это что значит?

— То и значит. Закончу заказ — будем рассчитываться.

— Какой суммой?

— После оценки.

— Деньги откуда?

Николай положил синюю папку Веры на стол.

— Там ещё платёж будет.

Зоя открыла договор, быстро нашла цену и график. Достала телефон, включила калькулятор.

— Остаток по договору меньше, чем может стоить моя доля.

— Я не сказал, что отдам всё сразу.

— Ты вообще ничего не сказал. Просто написал дату.

Она заметила распечатки из папки Галины Ильиничны. Николай хотел убрать их, но поздно. Зоя взяла верхний лист.

— Здесь почти нет денег.

— Это один счёт.

— А второй?

Он назвал остаток. Зоя просмотрела его список материалов. Дошла до итоговой суммы и села на отцовский стул.

— Пап, тебе не хватает больше двухсот тысяч, даже если Вера внесёт следующий платёж.

— Цены можно уменьшить.

— Здесь нет твоей работы.

— Я себе потом возьму.

— Откуда?

— Зоя, я тридцать лет работаю. Не первый заказ.

— Первый после деда. И первый, где ты не знаешь, чем платить.

Николай вытащил из печи золу, хотя делать это следовало утром. Совок скреб по металлу громче, чем их голоса.

— Я разберусь.

— Ты уже разобрался. Вот цифры.

— Это предварительно.

— Хорошо. Давай я завтра пересчитаю по спецификации.

Бесплатно. Потом вместе поговорим с Верой.

— Не надо с ней говорить.

— Почему?

— Потому что заказ мой.

— Долг уменьшит общее наследство. Моя доля тоже зависит от него.

— Не учи меня наследству. Я сегодня полдня этим занимаюсь.

Зоя положила лист обратно.

— Тогда скажи ей сам, что аванса нет.

— Аванс не исчез. Материал вон лежит.

— На часть денег материал. Остальное где?

Николай посмотрел на синюю метку на торце доски.

— Отец закрыл электричество, поставщика. За Павла за-

платил.

— За Павла чем?

— Был ущерб на лодочной станции.

— Это относилось к заказу Веры?

— Отцу виднее было, что срочнее.

— Теперь виднее тебе. И ты всё равно обещал первое мая.

Николай выпрямился. Совок был полон золы. Несколько серых хлопьев упали на пол.

— Я обещал закончить работу, а не отчитаться перед тобой за каждую отцовскую копейку.

— Передо мной не надо. Перед Верой надо.

Зоя застегнула папку.

— Оценщик сможет приехать в следующий четверг. Я напишу время. Если не подходит, предложи другое.

— До мая ничего продавать не будешь.

— Не обещаю.

— Ты видишь, в каком положении мастерская.

— Именно поэтому не обещаю.

Она ушла, не хлопнув дверью. Николай вынес золу во двор и высыпал в металлическое ведро. Снег вокруг ведра был серым от прежних выгребов.

В мастерской он снова посмотрел на расчёт. Галина Ильична написала внизу ручкой: «Не хватает при нынешней цене». Зоя обвела итог карандашом. Две отметки разных людей сходились на одной цифре.

Николай снял с графика красный карандаш. Возле первых

трёх окон стояли даты. Он мог начать вторую раму сегодня, третью завтра. К концу недели на стене появятся новые черты. Вера увидит работу, Павел придёт, станет легче.

Но стеклопакеты нельзя было выстрогать из сосны. Крепёж нельзя было заменить обещанием. Пустую кассу не разогреть печью.

Он позвонил на завод и попросил пока не выставлять счёт.

— Передумали заказывать? — спросил менеджер.

— Размеры проверю.

— Тогда ждём размеры.

Николай отключился и открыл договор на странице с ценой. Ниже подписи отца оставалось белое поле. На нём можно было сделать пометку, но Николай не стал писать на Верином экземпляре.

Он взял отдельный лист и вывел: «Не хватает». Рядом — сумму. Впервые она стояла не в таблице Зои и не под рукой бухгалтера, а его собственным почерком.

Лист Николай сложил вчетверо и положил в нагрудный карман. Вера просила говорить сразу, если обнаружится проблема. Послезавтра он поедет мерить окна. До послезавтра оставалось время найти решение, с которым можно прийти вместо признания.

Глава 4. Восемнадцать проёмов

К гостевому дому Николай приехал без четверти десять. Ночью подморозило, и дорога вдоль берега стала твёрдой, будто её наспех залили мутным стеклом. Колёса ловили старые колеи. За низкими домами лежало море — серое, без линии горизонта. Ветер гнал по обочине сухой снег, и тот забивался под крыльца, где летом оставляли резиновые тапки и надувные круги.

В багажнике лежали уровень, рулетка, телескопическая линейка, угольник, блокнот и две деревянные рейки. Николай взял ещё маленький складной столик, хотя мог писать на подоконниках. Отец учил не класть чертёж туда, где его засыплет штукатуркой или продует в открытую дверь. Сам Аркадий часто записывал размеры на обрывках мешков изпод клея, но правило от этого не менялось.

Вера ждала у ворот. На ней был длинный пуховик, поверх сапог — синие бахилы. Она держала связку ключей и бумажный стакан с кофе.

— Вы рано, — сказала она.

— Договорились к десяти.

— Сейчас без десяти.

— Пока инструмент занесу.

Он открыл багажник. Вера потянулась к складному столику, но Николай забрал его первым.

— Показывайте с нижнего этажа.

Гостевой дом стоял на краю посёлка, на месте бывшей рыбоприёмной конторы. Старую кирпичную коробку Вера купила три года назад и перестраивала по частям. Со стороны дороги здание выглядело законченным: светлая штукатурка, тёмная крыша, вывеска без подсветки. Со стороны моря ещё торчали леса. Наружная лестница должна была вести с общей комнаты на террасу и дальше во двор, чтобы постояльцы не обходили дом через кухню.

Внутри пахло шпаклёвкой, мокрой фанерой и кофе. Отопление работало только на первом этаже. В коридоре стояли сложенные кровати в плёнке, на дверях мелом были написаны номера комнат. Вера включала свет по пути и сразу выключала за спиной.

— Электрики обещали закончить в декабре, — сказала она. — Закончили позавчера. Если считать щиток законченным.

Николай не ответил. Он поставил столик у первого окна, достал отцовскую ведомость и свой блокнот. На листе Аркадия было восемнадцать строк. Размеры шли ровными столбцами, рядом стояли короткие пометы: «глухое», «створка левая», «подоконник заказчика». Николай провёл пальцем по первой строке.

— Откосы после замеров делали?

— На втором этаже — да. Здесь только выровняли.

— Кто делал?

— Бригада из района. Ваш отец их видел.

Николай снял перчатки и положил уровень на нижнюю четверть проёма. Пузырёк ушёл вправо. Он подложил под один край спичечную коробку, снова посмотрел.

— Стены старые, — сказала Вера. — Идеального ничего нет.

— Мне идеального не надо. Мне надо знать, куда рама встанет.

Первый проём совпал с ведомостью почти точно. Слева оставался запас под пену и крепление, сверху — чуть больше, чем Николай предпочитал, но наличник закрыл бы щель. Он записал три размера по ширине, три по высоте и обе диагонали. Потом нарисовал в блокноте прямоугольник и отметил уклон.

Вера посмотрела через плечо.

— Аркадий Петрович мерил быстрее.

— Поэтому я меряю ещё раз.

Она сделала глоток кофе и отошла.

Второе окно тоже совпало. У третьего пришлось отковырнуть кусок застывшей пены, оставшейся от временной плёнки. Николай работал молча. Вера сначала ходила за ним, потом села на нераспакованную кровать в соседней комнате и отвечала на звонки. Она говорила негромко, но пустой дом разносил каждое слово.

— Нет, раньше июня не обещаю... Потому что не обещаю... Да, зал можно будет снять отдельно, но проживание

пока не подтверждаю.

Николай перешёл к четвёртому окну. Тот же размер, что у первых трёх, хотя проём оказался на два сантиметра уже. Разница укладывалась в монтажный запас, если немного снять штукатурку. Он сделал красную отметку.

К седьмому окну пальцы замёрзли. Вера принесла ему кружку чая.

— Без сахара, — сказала она. — Вы вроде без сахара пьёте.

Николай вспомнил, что так пил отец. Сам он дома клал ложку.

— Спасибо.

Он не стал поправлять.

Седьмой и восьмой проёмы выходили на море. Временную плёнку выгибало внутрь от каждого порыва. За ней виднелись белые гребни и чёрные сваи старого причала. Николай снял верхний размер, затем нижний. Разница была почти четыре сантиметра.

— Здесь стену трогали?

Вера подошла ближе.

— Расширяли. Раньше было узкое окно.

— После отцовского замера?

— Не знаю. Он приезжал несколько раз.

Николай нашёл в ведомости восьмую строку. Ширина была записана одна, без верхнего и нижнего значения. Рядом стояла галочка.

— Кто расширял?

— Та же бригада. У меня есть их акты.

— Когда?

— В октябре.

Замеры Аркадия были датированы шестым сентября.

Николай приложил угольник к правому верхнему углу. Между металлом и откосом вошёл мизинец. Он измерил диагонали дважды, потом взял рейку и выставил предполагаемую плоскость рамы. Если сделать окно по отцовскому размеру, снизу оно вошло бы с обычным зазором, а сверху упёрлось в кирпич. Можно было тесать проём, но правый откос уже закрывал железобетонную перемычку. Её нельзя было резать на глаз.

— Восьмую раму начали? — спросила Вера.

— Заготовки нарезаны.

— Их можно подогнать?

— Уменьшить можно. Увеличить нельзя. Но здесь не только ширина.

Он показал ей диагонали. Вера посмотрела на цифры, словно могла определить по ним виноватого.

— Это строители сделали?

— Проём меняли после замера. Кто именно ошибся, пока не знаю. Нужны акты и старые фотографии.

— Мне нужны окна.

— А мне нужен проём, в который они встанут.

Он произнёс это резче, чем собирался. Вера поставила

стакан на подоконник.

— Продолжайте.

На втором этаже было холоднее. Ступени временной лестницы прогибались, перила заменяла доска, прибитая наискосок. Николай поднял инструмент в два приёма. Вера хотела идти следом, но он велел подождать, пока проверит настил.

— Я здесь каждый день хожу.

— Тогда знаете, что третья ступень треснула.

— Знаю.

— Наступайте ближе к стене.

Они поднялись. В комнатах второго этажа стены уже покрасили в тёплый серый цвет. На полу лежал ламинат, закрытый картоном. Вера сразу сняла бахилы и велела Николаю надеть новые, чтобы не занести песок.

Десятый проём совпал. Одиннадцатый оказался выше ведомости на сантиметр — неопасно. Двенадцатый был заложен снизу свежим газоблоком, но размер строители выдержали. Николай постепенно успокоился. Восемнадцать окон редко бывали одинаковыми даже в новом доме. Для старой кирпичной коробки расхождения пока выглядели терпимыми.

В тринадцатой комнате рулетка показала на пять сантиметров меньше нужного.

Николай перемерил.

— Что?

— Подождите.

Он снял временный наличник. За ним открылся край металлического уголка, которым строители усилили стену. Уголок выступал внутрь проёма с обеих сторон. Аркадий записал размер до усиления.

— Это тоже октябрь? — спросил Николай.

Вера достала телефон и пролистала фотографии.

— Нет. В ноябре. Здесь кирпич посыпался, когда штукатурку сняли. Прораб сказал, иначе нельзя.

— Отцу сообщили?

— Я звонила. Он тогда уже лежал дома. Сказал, что Николай посмотрит.

— Мне не говорил.

— Я не могла знать, что не говорил.

Николай заглянул в ведомость. Возле тринадцатого номера стояла буква «Н». Может быть, «Николай». Может быть, «новый». Отцовские сокращения всегда казались ему понятными, пока не понадобилось отвечать за них без самого отца.

Заготовка на тринадцатое окно лежала в мастерской уже склеенной. Уменьшить раму на пять сантиметров означало разобрать угловые соединения, срезать шипы и сделать детали заново. Створка становилась уже, менялся размер стеклопакета. Хорошо, что стекло ещё не заказали. Плохо, что часть сухой сосны уже превратилась в неподходящую раму.

— Эту придётся переделать, — сказал он.

— За чей счёт?

Николай поднялся с корточек.

— Сначала разберёмся, кто и когда изменил проём.

— Я заплатила за окно по фактическому проёму, а не за историю ваших замеров.

— Вы изменили его после замера.

— Не ради красоты. Стена могла осыпаться.

— Усиление всё равно меняет заказ.

— Аркадий Петрович знал.

— Если знал, почему у меня старый размер?

Вера убрала телефон в карман.

— Это вопрос не ко мне.

Слова повисли между ними. Вопрос действительно был не к ней, а задать его было некому. Николай снова присел возле проёма и провёл карандашом по выступающему уголку. Металл был закреплён прочно. Убирать его нельзя.

— Дальше, — сказал он.

Четырнадцатое и пятнадцатое окна совпали. Шестнадцатое находилось на лестничной площадке, высоко над будущим маршем. Чтобы добраться до верха, Николай поставил стремянку на лист фанеры. Вера держала её, хотя он не просил. Здесь размер был верным, но наружный край кирпича крошился. Понадобятся длинные анкеры и дополнительная пластина. Ещё расходы, которых в отцовской смете не было.

Семнадцатое окно выходило на задний двор. Под ним строители проложили трубу отопления и подняли подоконную часть. Разница составляла почти семь сантиметров по высоте.

— Когда это сделали?

— В декабре. Иначе труба не проходила.

— Отцу звонили?

— Звонил сантехник. Потом я. Он сказал, что высоту рамы можно уменьшить.

— Заготовка уже склеена.

— В декабре?

— В ноябре.

Вера посмотрела на проём, потом на Николая.

— Значит, он знал и не переделал.

— Значит, я пока не знаю, что он сделал.

Но в мастерской Николай видел все заготовки. Семнадцатая рама стояла у стены с номером, написанным синим мелком. Высокая, по старому размеру.

Он замерил последнее окно. Оно было самым широким, трёхстворчатым, в общей комнате второго этажа. Размер совпал до миллиметра по середине и расходился на полтора сантиметра сверху. Для старого дома это считалось почти удачей.

Николай перечеркнул последнюю строку в блокноте. Из восемнадцати проёмов три изменились так, что готовые заготовки не подходили: восьмой, тринадцатый и семнадцатый. Ещё два требовали дополнительной работы по месту. Он написал номера на отдельном листе и обвёл каждый.

— Итого? — спросила Вера.

— Три рамы переделывать. По восьмой надо решать с вер-

хом проёма. Шестнадцатую крепить иначе. По остальным можно работать.

— Срок меняется?

Он посмотрел на неё. В нагрудном кармане лежал сложенный лист со вчерашней суммой. Он чувствовал его край через рубашку и свитер.

— На три окна уйдёт больше времени.

— Сколько?

— Несколько дней.

— Три дня или три недели?

— Пока не разберу заготовки, точно не скажу.

— Вы говорили, что к первому мая всё будет.

— Это было до новых замеров.

— Новые для вас. Дом всё это время стоял здесь.

Николай сложил телескопическую линейку.

— Ваши строители меняли проёмы после замеров.

— И сообщали вашему отцу.

— Не всё, что ему сообщили, дошло до мастерской.

— Это тоже не моя ответственность.

Он захлопнул блокнот. Металлическая пружина ударила по пальцу.

— А переделка чужой стены — не моя.

— Я не прошу переделывать стену. Я прошу изготовить окна, за которые заплатила.

— По размерам, которые изменились.

— По договору у меня восемнадцать окон. В нём нет стро-

ки, что я сама отвечаю за ваш замер.

Николай знал, что в приложении к договору стояли размеры Аркадия. Знал и другое: Вера действительно сообщала об изменениях. Если отец отвечал ей, что всё учтёт, спорить одной старой ведомостью было мало. Но согласиться означало немедленно принять ещё три переделки на мастерскую, где и без того не хватало денег.

— Покажите переписку, — сказал он.

Они спустились в зал первого этажа. Вера включила обогреватель у стены и поставила чайник на барную стойку, ещё не закреплённую к полу. Пока вода нагревалась, она искала сообщения. Переписка с Аркадием занимала почти год: фотографии, короткие вопросы, голосовые записи. Вера увеличивала нужные места и клала телефон перед Николаем.

Восьмого октября она отправила фотографию расширенного восьмого проёма. Аркадий ответил: «Вижу. Верх не трогайте, решим рамой». Четырнадцатого ноября пришло фото металлических уголков в тринадцатой комнате. Ответ: «Учтём». В декабре сантехник прислал схему трубы, Вера переслала её Аркадию. Тот написал: «Высоту снимем, не переживайте».

— Он обещал, — сказала Вера.

Николай приблизил первое фото. На нём верх восьмого проёма уже шёл клином. Отец видел проблему.

— Да.

Это короткое слово далось тяжелее, чем весь спор навер-

ху.

— Тогда переделка ваша.

— По трём рамам — похоже, да. По работе с самим проёмом отдельно. Отец написал решить рамой, но такую форму рамой не исправляют. Снаружи останется щель, а внутри створку поведёт.

— Мне всё равно, кто будет штукатурить. Скажите, что нужно.

Николай нарисовал проём на обратной стороне ведомости. Показал, где можно нарастить левую четверть и выровнять верх без вмешательства в перемычку. Вера сфотографировала рисунок и тут же отправила прорабу.

— Он приедет завтра, — сказала она. — Что ещё?

— Акты по усилению и отоплению. И все размеры из договора надо сверить с приложением.

— Это сегодня сделаем.

Она налила кипятка в две кружки. Николаю положила сахарницу рядом, и он добавил ложку. Вера заметила, но ничего не сказала.

— Теперь про срок, — произнесла она.

— Срок зависит не только от трёх рам.

— От чего ещё?

Лист в кармане словно стал жёстче. Николай мог достать его и положить рядом с телефоном. Показать цифру, назвать остаток, предложить пересчёт, как просила Зоя. Вместо этого он открыл блокнот и стал собирать карандаши в чехол.

— От стеклопакетов. Заводу нужны окончательные размеры.

— Когда закажете?

— После сегодняшней проверки.

— Они оплачены?

Николай поднял голову. Вера не отводила глаз.

— Счёт пока не выставлен.

— Я спросила не это.

— Значит, не оплачены.

— Почему? В смете они есть.

— Потому что отец собирался платить после замеров.

Это было правдой лишь наполовину. Отец мог собираться платить. Денег для этого он не оставил.

— Из моего аванса?

— Из средств мастерской.

— Мой аванс и был средствами мастерской.

Николай застегнул чехол.

— Вера Сергеевна, я не стану обсуждать каждое движение по счёту на стройке.

— А мне не нужно каждое. Мне нужно понять, заказаны ли главные детали моих окон.

— Не заказаны.

— Когда будут?

— На следующей неделе.

Он сказал это раньше, чем успел проверить. Чтобы заказать стеклопакеты на следующей неделе, нужно было найти

деньги за несколько дней.

Вера отошла к окну. За плёнкой ветер таскал по двору обрезок упаковки. Она прижала ладонью край плёнки, который начал отклеиваться.

— Я не нанимала повара раньше времени, — сказала она. — Договорилась с женщиной из соседнего посёлка, что она выйдет в апреле. Она отказалась от места в санатории. Если я перенесу открытие, она останется без работы или уйдёт туда, где её возьмут сейчас. Уборщица ждёт с осени. У неё двое детей. Я не делаю из этого вашу вину, но не говорите мне «несколько дней», будто речь только о вашем верстаке.

— А вы не говорите так, будто я могу вырастить сухой лес за ночь.

— Лес был вашей частью заказа.

— Был частью отцовского заказа.

— Вы сами сказали, что продолжаете его.

Николай встал.

— Потому что если не продолжу, у вас вообще не будет окон.

— И я за это должна молча ждать?

— Вы должны дать мне работать.

— Я дала. И деньги дала.

В пустом зале стало слышно, как щёлкает остывающий чайник. Николай положил ладонь на карман. Бумага хрустнула. Ему показалось, что Вера услышала.

— Я открыла бронирование в ноябре, — продолжила она

уже тише. — Не на всё лето, только на июньские выходные и две группы в июле. После смерти Аркадия Петровича я остановила новые заявки. На прошлой неделе отказала двум группам до июня, потому что вы не отвечали. Я могу вернуть людям предоплату. Не могу вернуть июнь, если в мае узнаю, что окон нет.

— Первое мая ещё не наступило.

— Поэтому я спрашиваю сейчас.

— Я сказал: заказ выполняю.

— А я спрашиваю не обещание. Что уже сделано и что мешает?

Он мог перечислить: одна рама собрана, часть заготовок нарезана, три требуют переделки, стекло не оплачено, денег меньше пятидесяти тысяч, поставщик ждёт старый долг. Каждый факт был прост. Вместе они превращали его обещание в то, чем оно стало ещё в первый день: способом закончить разговор.

— К следующей пятнице соберу первые три рамы, — сказал Николай. — Вы приедете в мастерскую, посмотрите. Я дам график по остальным.

— А стеклопакеты?

— Покажу счёт и срок завода.

— Оплаченный счёт?

— Счёт.

Вера покачала головой.

— Вы сейчас оставляете себе лазейку.

— Я не подписываю оплату за завод.

— Тогда скажите прямо, что денег на стекло нет.

Николай вытащил из кармана сложенный лист. Развернул один сгиб, увидел собственную надпись и сумму. Бумага легла на ладонь. Достаточно было расправить её до конца.

Телефон Веры зазвонил. На экране высветилось имя прораба. Она ответила, отошла на два шага и стала объяснять про восьмой проём. Николай снова сложил лист и положил его в карман.

Пока она говорила, он перенёс инструменты к двери. Когда звонок закончился, Вера сказала:

— Завтра в одиннадцать прораб будет здесь. Сможете приехать?

— Нет. Пришлите фотографии после выравнивания и три размера.

— Я не хочу ещё раз получить неправильные размеры.

— Тогда не заделывайте без меня. Приеду послезавтра утром.

Она записала время в телефон.

— В пятницу я буду у вас в мастерской. Если не увижу понятного графика и документов по стеклу, остановим работу и будем решать через юриста.

— Остановите — к лету точно ничего не получите.

— Возможно. Но я хотя бы перестану считать вашим планом то, что является надеждой.

Николай надел куртку. На пороге он обернулся к восем-

надцати строкам в ведомости.

— Пришлите всю переписку с отцом, не отдельные фотографии.

— Сегодня пришлю.

— И акты.

— Пришлю.

Он вынес инструменты. Ветер ударил в лицо мелким снегом. Пока Николай укладывал рейки в багажник, Вера стояла у ворот, придерживая капюшон.

— Николай Аркадьевич, — позвала она.

Он выпрямился.

— Риск не только ваш. Я понимаю, что вы получили всё это после похорон. Но если вы молчите, ваш риск становится моим без моего согласия.

— А если я скажу, что денег не хватает, они появятся?

Вера не удивилась. Значит, поняла раньше.

— Нет. Но тогда я смогу выбирать: искать другого мастера, уменьшать заказ, переносить открытие, занимать. Сейчас выбирать можете только вы.

Николай захлопнул багажник.

— В пятницу покажу, что есть.

— Всё, что есть?

Он не ответил и сел в машину.

На обратной дороге море исчезло за снежной завесой. Николай ехал медленно, но дважды пропустил поворот к мастерской и оказался у лодочной станции. За забором под си-

ним тентом стоял катер с новой рубкой. Возможно, тот самый, за который отец заплатил сто восемьдесят тысяч. На настиле работал Павел: шлифовал деталь, прижимая её коленом.

Николай не стал сигналить. Он развернулся у ворот и поехал обратно.

В мастерской было холодно. Первая рама лежала на верстаке, стянутая ремнями. Николай нашёл три заготовки с номерами восемь, тринадцать и семнадцать. Поставил их рядом. На каждой Аркадий синим мелком обозначил верх. На тринадцатой карандашом была едва видна запись: «после железа уточнить».

Отец знал. Не только получил сообщение — подошёл к заготовке, сделал пометку и отложил решение. Николай провёл пальцем по буквам. Если бы он увидел их неделю назад, ничего не изменилось бы с деньгами, но он хотя бы не спорил с Верой наверху, будто она сама придумала новые стены.

Он взял мел и крупно написал на каждой заготовке новые размеры. Потом снял со стены график. Напротив первых трёх рам стояли уверенные красные черты. Ни одна не учитывала переделку.

На чистом листе Николай выписал восемнадцать номеров. Возле каждого поставил состояние: материал, заготовка, сборка, замер, стекло. У трёх написал «переделать». У шестнадцатого — «анкеры». Возле всех восемнадцати в графе «стекло» осталось пусто.

Он прикрепил лист на стену поверх отцовского графика. Картина стала хуже, зато перестала врать.

Телефон принял сразу девять сообщений от Веры: акты, фотографии, снимки переписки. Последним пришло: «Жду в пятницу фактический график и сведения по стеклопакетам».

Николай открыл банковское приложение. Остаток не изменился. Потом нашёл сообщение Зои: «Могу вечером пересчитать спецификацию. Это не согласие ждать с долей».

Он набрал: «Пересчитай только окна. Лестницу потом». Подумал и добавил: «Три рамы переделывать. Размеры пришлю».

Ответ пришёл почти сразу: «Пришли все восемнадцать и договор. Иначе получится не расчёт, а ещё одна удобная цифра».

Николай посмотрел на новый лист на стене. Вера требовала график. Зоя требовала все размеры. Обе хотели одного и того же — видеть целое до того, как соглашаться ждать. Только он продолжал делить положение на маленькие куски, которые можно было пережить по одному.

Он сфотографировал восемнадцать строк и отправил Зое вместе с договором. Лист с суммой нехватки остался в кармане. Его Николай пока не приложил.

Глава 5. Список на стене

Первую вещь принесли ещё до того, как Николай растопил печь.

Таисия стояла у ворот с дверцей от буфета, завёрнутой в старое покрывало. Дверца была дубовая, тяжёлая, со стеклом в фигурной рамке. Один угол разошёлся, стекло дребезжало.

— Я бы не спешила, — сказала соседка, — только раз уж ты теперь каждый день здесь.

Николай отпер калитку и взял свёрток. Таисия пошла за ним по двору, хотя он не приглашал.

— Аркадий Петрович ещё перед Новым годом обещал. Я ему рыбу приносила, помнишь? Две камбалы хорошие, не мелочь.

— Помню.

— Ты тогда в цеху был.

Николай не помнил камбалу. Зато помнил, как отец время от времени приходил с рыбой и говорил, что люди умеют благодарить, если не считать каждую минуту. Рыбу жарили у Аркадия на кухне. Николай ел вместе с ним.

В мастерской было минус шесть. Он положил дверцу на козлы, снял покрывало и осмотрел соединение. Старый клей высох и раскрошился. Чтобы сделать как следует, надо было вынуть стекло, разобрать рамку, очистить пазы и снова стя-

нуть углы. Часа три работы, если ничего не треснет.

— Оставляйте, — сказал Николай.

— Я знала, что не откажешь. Ты весь в отца.

Таисия погладила край дверцы vareжкой и ушла. Николай смотрел ей вслед, пока калитка не закрылась. Фраза должна была прозвучать похвалой. Внутри она легла как ещё одна вещь, которую принесли без спроса.

Он прислонил дверцу к стене рядом с обрезками фанеры и написал на малярной ленте: «Таисия. Буфет». Срок не поставил.

Печь разгоралась медленно. Николай перенёс на верстак заготовку восьмой рамы и стал отмечать новый рез. Снимать предстояло немного, но старые шипы уже не совпадали. Он выставил упор пилы, проверил угол, ещё раз сверил размеры с блокнотом.

Телефон завибрировал. Зоя прислала таблицу и короткое сообщение: «По окнам уже минус 146 000 без твоей работы. Это если часть заготовок пригодна. Позвоню вечером».

Николай прочёл цифру дважды. Она была меньше общей нехватки, которую они считали раньше, потому что Зоя не включила лестницу, налоги и старые долги. Но для одних окон сумма всё равно выглядела как закрытая дверь.

Он убрал телефон и включил пилу.

Не успел сделать первый рез, как в ворота постучали. У калитки стоял Геннадий с улицы Маячной. Рядом он держал табурет без одной перекладкины.

— Коль, на минуту.

Николай выключил станок.

— Что у тебя?

— Да ерунда. Аркадий обещал ногу укрепить. Мать садится — он ходит. Я сам саморезом пробовал, только хуже.

— Сейчас заказ большой.

— А я не сейчас. Как время будет. Он говорил, за те доски сочтёмся.

— За какие доски?

— Я ему осенью горбыль с пилорамы привёз. На растопку. Полкуба точно.

Геннадий поднял табурет, показывая расшатанный угол. Работа была простой: разобрать соединение, вклеить новую перекладину, стянуть. Если материал найдётся, меньше часа.

— Оставляй, — сказал Николай.

— Вот и ладно. Я матери скажу, к воскресенью будет.

— Я срока не называл.

— Ну к следующему тогда. Куда спешить.

Геннадий поставил табурет у двери и ушёл, прежде чем Николай успел повторить.

На малярной ленте Николай написал: «Геннадий. Табурет». Подумал и добавил: «без срока». Лента плохо держалась на пыльной ножке, край сразу отогнулся.

К одиннадцати печь прогрела цех. Николай отпилил повреждённые части восьмой рамы и начал выбирать новые пазы. Работа требовала точности: один неверный проход фре-

зы — и придётся менять всю длинную деталь. Он закрепил направляющую, включил вытяжку.

Ворота открылись без стука. Вошла Лидия Сергеевна, бывшая библиотекарь, везя за собой на санках две оконные створки.

— Ой, у тебя шумно, я кричала.

Николай выключил фрезер.

— Ворота закрыты должны быть.

— Я прикрыла. Аркадий Петрович велел после морозов принести. Веранду перекосило.

Створки были летние, тонкие, с облупившейся белой краской. Одна действительно провисла, у второй сгнил нижний брус.

— Это не подкрутить, — сказал Николай. — Нижнюю деталь менять надо.

— Так он и говорил: Николай сделает, у него терпения больше.

— Когда говорил?

— Осенью. Может, в октябре. Я ему книги отдавала, собрание про Север. Он любил листать.

— Книги были подарком?

Лидия Сергеевна удивилась.

— А как ещё? Я же не продавала.

— Тогда почему ремонт бесплатно?

Она поджала губы.

— Я не говорила бесплатно. Аркадий Петрович сам ска-

зал, что сделает. Если надо заплатить, скажи сколько.

Николай посмотрел на створки. Замена нижнего бруска, подгонка, зачистка, краска — почти день. Назвать цену он мог. Для этого надо было посчитать материал и часы. Отец обычно смотрел на вещь, называл сумму или махал рукой. Николай привык выполнять уже принятое решение.

— Сначала разберу, — сказал он. — Потом позвоню.

— Только не тяни до тепла. Нам веранду красить.

— У меня большой заказ до мая.

— Я понимаю. Мы все понимаем, Коля. У тебя горе. Поэтому и не торопим.

Она оставила створки у ворот. Николай закрыл за ней за-
сов и вернулся к станку.

На стене уже висело два имени. Он оторвал третий кусок ленты: «Лидия Сергеевна. Две створки. Цена после разборки». Приклеил ниже.

Через несколько минут лента с табурета упала. Николай поднял её и прилепил на стену рядом с остальными. Получился короткий список.

Он снова включил фрезер. Сделал один проход, проверил глубину, начал второй. В этот момент зазвонил телефон. Номер был незнакомый, но местный.

— Мастерская Орловых? — спросил мужской голос.

— Да.

— Мне Аркадий Петрович обещал наличники на баню. Я материал привозил ещё летом.

— Как вас зовут?

— Борис Кленов, с Выселок.

— Бумаги есть?

— Какие бумаги? Доска у вас лежит, на торцах «БК».

Николай вспомнил пачку липы на верхнем стеллаже.

— Сколько наличников?

— На три окна и дверь. Он сказал, зимой нарежет, когда тихо будет.

— Сейчас не тихо.

— Я слышал, конечно. Земля пухом. Только доска моя, ты не спи ли её на другое.

— Не спилю.

— Я на неделе заеду.

— Сначала позвоните.

— Позвоню, позвоню.

Николай записал имя в блокнот. На стену переносить не стал. Потом всё же оторвал четвёртый кусок ленты и написал: «Борис. Наличники. Его липа».

К полудню новая деталь восьмой рамы была готова только наполовину. Обычно за это время Николай успевал обработать пару. Каждый стук в ворота заставлял его снимать защитные наушники и ждать. Даже когда никто не приходил, он прислушивался.

Павел появился в обеденный перерыв. Снял рабочую куртку лодочной станции, остался в сером свитере.

— Я на пять минут. Бумаги принёс.

Он положил на верстак прозрачную папку. В ней были копия договора с лодочной станцией, акт об испорченном материале и расписка Аркадия. Николай отодвинул опилки.

— Здесь написано: Аркадий Петрович обязуется внести остаток до первого марта, — сказал он.

— Знаю.

— Почему вчера сказал, что остаток на тебе?

— Потому что ущерб мой. Расписку он сам написал. Я просил не писать.

— И всё равно отдал ему платить.

Павел сжал губы.

— У меня дочь в больницу тогда попала. Деньги ушли на поездки и жильё в области. Он приехал к хозяину станции без меня. Потом сказал, что вычтет работой.

— Сколько ты отработал?

— Не считал.

— Очень удобно.

— Для кого?

Николай перелистнул акт. Внизу стояла подпись Павла, подтверждавшая сумму ущерба.

— В субботу придёшь, сядем и посчитаем часы.

— Я приду окна делать, как договорились. Если будем до ночи считать, окна сами не соберутся.

Павел заметил список на стене.

— Это что?

— Отцовские обещания.

— Не все.

— Откуда знаешь?

— Потому что у него полпосёлка зимой несло мелочь. Летом он отказывал, зимой брал. Говорил, руки заняты должны быть.

— Он брал оплату?

— Когда как. Деньгами, рыбой, соляжкой. Иногда ничем.

— Ты записывал?

— Я здесь не бухгалтером был.

Павел поднял табурет, качнул ножку.

— Геннадьев?

— Да.

— Он этот табурет прошлой зимой приносил. Аркадий починил.

— Значит, снова разошёлся.

— Или другой. У них одинаковых четыре.

Николай посмотрел на отогнувшуюся ленту.

— В субботу не трогай ничего из этого. Только окна.

— Я и не собирался.

Павел ушёл. На пороге остановился.

— Николай Аркадьевич, если кто скажет, что отец обещал бесплатно крышу перекрыть, ты тоже возьмёшь?

— Не умничай.

— Я серьёзно. Он иногда обещал, чтобы человек ушёл довольный. Потом решал, делать или нет.

— Это ты сейчас придумал, чтобы свой долг уменьшить?

Павел покраснел.

— Нет. Долг мой не уменьшится от твоих табуреток.

Он вышел и закрыл ворота плотно.

После обеда Николай запретил себе отвечать на телефон.

Поставил его экраном вниз и два часа работал без остановки.

Новые соединения восьмой рамы сошлись. Он стянул детали насухо, проверил диагонали. Разница — два миллиметра.

После склейки можно вывести в ноль.

Зоя позвонила в четыре. Николай снял перчатки.

— Я пересчитала, — сказала она. — По трём переделкам нужен новый материал на две длинные детали и четыре короткие, если остальное разберётся без трещин. Стеклопакеты по твоим размерам примерно сто двадцать восемь тысяч с доставкой.

— Мне завод называл больше.

— Я считала у двух поставщиков. Один дешевле, но срок три недели после оплаты.

— Три недели долго.

— Второй делает за десять рабочих дней, но дороже на двадцать одну тысячу. Я отправила оба варианта.

— Хорошо.

— Лестницу ты почему убрал?

— Потом.

— Она в том же договоре.

— Сначала окна.

— Пап, если денег не хватает на всё, перестановка строк

не создаст деньги.

Николай посмотрел на стену. Четыре полосы ленты висели под новым графиком окон.

— Я знаю.

— Вера в пятницу приедет?

— Да.

— Покажешь расчёт?

— Покажу график.

— Я спросила про расчёт.

— Ты свою часть сделала. Спасибо.

Он отключился раньше, чем Зоя ответила.

В цеху снова стало тихо. Николай нанёс клей на шипы восьмой рамы и начал собирать углы. Нужно было успеть стянуть всё до того, как клей схватится. Первый угол вошёл плотно. Второй пришлось осаживать киянкой. На третьем снаружи постучали.

Николай не ответил.

Стук повторился. Потом кто-то дёрнул калитку.

— Коля! Ты там?

Голос принадлежал Михаилу Дронову, который держал два гостевых домика у реки. Николай продолжал собирать раму. Клей выступал по краям белыми каплями.

— Я вижу дым! Открой на минуту!

Третий угол не садился. Николай перевернул деталь, увидел щепку в пазу, вытащил её стамеской.

Михаил постучал в окно мастерской. Николай вздрогнул,

стамеска соскользнула и сняла тонкую полоску с лицевой кромки.

— Чтоб тебя.

Он распахнул дверь.

— Что?

Михаил отступил.

— Да не кипятись. Я дверной блок привёз. Аркадий обещал низ заменить.

За воротами стоял прицеп. На нём лежала массивная дверь с коробкой.

— Увози.

— В смысле?

— У меня работа на клею.

— Так я сам сгружу.

— Не надо сгружать.

Михаил посмотрел мимо него в мастерскую.

— Мы с отцом твоим осенью договорились. Я ему мотор лодочный отдал почти даром.

— Почти — это сколько?

— Двадцать тысяч. Такой мотор сорок стоит.

— Деньги получил?

— Получил. Но скидка была за дверь.

— Где записано?

— Коля, мы что, чужие? Он при Павле говорил.

— Павел ничего про дверь не сказал.

— Так спроси.

Из мастерской тянуло запахом клея. У Николая оставались минуты.

— Сегодня не возьму. Позвони вечером.

— Мне обратно тащить?

— Да.

— Я полчаса грузил.

— А я сказал привозить?

Михаил помолчал, потом с силой захлопнул борт прицепа.

— Аркадий бы так не разговаривал.

— Аркадия нет.

Слова прозвучали громче, чем Николай хотел. Михаил отвернулся.

— Это я знаю. На похоронах был.

Он сел в машину и уехал. Прицеп подпрыгнул на выбоине, дверь ударилась о борт.

Николай вернулся к раме. Клей уже начал густеть. Он посадил третий угол, но четвёртый не сошёлся на три миллиметра. Пришлось разжимать всю конструкцию, очищать паз и наносить клей заново. Повреждённая кромка осталась на видном месте. Её можно было вывести шлифовкой, но профиль станет тоньше. Возможно, деталь снова придётся менять.

К шести вечера восьмая рама стояла в струбцинах. Вместо запланированных двух переделок Николай закончил одну, и ту с сомнением. Он подмёл пол, собрал выдавленный

клеи и только тогда вспомнил о дверце Таисии. Та должна была лежать у стены, но Николай перенёс её на козлы, когда освобождал проход. Сейчас стекло в ней дребезжало от работы вытяжки.

Он мог оставить всё до завтра. Вместо этого снял штапики и осторожно вынул стекло. Хотел лишь посмотреть, насколько разошлись углы. Через двадцать минут дверца лежала разобранной. Ещё через десять он очистил первый паз.

«Я знала, что не откажешь. Ты весь в отца».

Николай работал быстрее, чем требовала старая мебель. К половине восьмого рамка была снова склеена и стянута. Он поставил её возле печи, чтобы сохла, и почувствовал облегчение. Одна вещь из списка почти закрыта. Таисия получит дверцу, не будет ходить и напоминать. Три часа, которые он отдал ей, казались меньше, чем будущие разговоры.

Телефон показал пропущенный звонок Веры и сообщение: «Прораб выровнял восьмой проём по вашему рисунку. Жду вас утром. Пятничную встречу подтверждаю».

Николай посмотрел на часы. Он собирался вечером подготовить три первые рамы к показу. Одна была готова, восьмая сохла в струбцинах, вторая обычная оставалась набором деталей. До пятницы — два дня.

Он написал Вере: «Утром буду в 9:00». Затем перевернул табурет Геннадия и проверил перекладину. Саморез расколол дерево вдоль волокон. Быстрым ремонтом не обойтись.

На следующий день у ворот лежал пакет. В нём оказались

две деревянные ручки от кастрюль, записка «Аркадий обещал выточить новые» и банка домашнего варенья. Имени не было.

Николай занёс пакет внутрь. Банку поставил на подоконник, ручки — на полку. На новой полоске ленты написал. «Чьи ручки?»

После поездки к Вере он вернулся к полудню. Проём выравнивали правильно, но штукатурка должна была высохнуть. В мастерской у ворот ждала женщина в красной куртке. Рядом стояла детская кроватка без боковой решётки.

— Вы Николай? — спросила она. — Я Инна, племянница Нины Петровны. Ваш отец обещал сделать рейки. Мы ребёнка из города привозим на март.

— Когда обещал?

— В декабре. Размеры у него были.

— Это детская кровать. Тут нельзя на глаз.

— Конечно. Потому к мастеру и пришли.

Николай осмотрел пазы. Если делать, понадобилась бы сухая берёза или бук, точное расстояние между рейками, безопасное покрытие. Работы немного, но отвечать за неё приходилось полностью.

— Я сейчас не возьму.

Инна растерялась.

— Совсем?

— До марта не обещаю.

— Но ваш отец уже обещал.

— Я — нет.

— Нина Петровна говорила, вы продолжаете мастерскую.

— Мастерскую продолжаю. Все разговоры отца продолжить не могу.

Женщина покраснела, подняла кроватку за спинку.

— Можно было просто сказать, что хотите денег.

— Я не беру заказ. Ни бесплатно, ни за деньги.

— Понятно.

Она поволокла кроватку к машине. Одна ножка цеплялась за снег. Николай вышел помочь, но Инна сказала:

— Не надо. Сами.

Он остановился у ворот. В спину ей хотелось сказать, что у него восемнадцать окон, три неверных проёма и пустая касса. Но эти объяснения не сделали бы её положение легче. Ребёнок приедет в марте, кровать всё равно надо чинить.

Когда машина уехала, Николай вернулся в цех. Список на стене вырос до шести полосок. Он снял ленту «Чьи ручки?» и положил ручки с вареньем обратно в пакет. Потом написал на большом листе три столбца: «Принято», «Не согласовано», «Оплачено».

Дверцу Таисии и табурет Геннадия он вписал в первый. Створки Лидии Сергеевны — во второй. Наличники Бориса — тоже во второй, с пометкой «материал его». В третьем столбце не было ничего.

Николай долго смотрел на пустое место. Потом вписал сверху: «Малышева — аванс». Рядом указал сумму из дого-

вора. Ниже добавил: «18 окон, лестница, срок 1 мая».

Строка заняла почти всю ширину листа. Остальные обещания сразу стали меньше, но не исчезли.

Он вернулся к обычной второй раме. Разложил детали, проверил влажность, отметил пазы. В половине третьего Таисия пришла за дверцей.

— Я не тороплю, — сказала она с порога. — Просто мимо шла.

— Клей сохнет. Завтра заберёте.

— Вот спасибо. Аркадий Петрович знал, кому оставить дело.

Николай посмотрел на график окон. Вторая рама должна была быть собрана сегодня к обеду.

— Тётъ Тась, рыба была платой за ремонт?

— Что ты всё считаешь? Я принесла по-соседски, он по-соседски обещал.

— Значит, не платой.

— Если тебе деньги нужны, скажи.

— За эту уже не надо. Я взял и сделал. Но дальше приносить можно только после того, как я назову срок и цену.

Таисия улыбнулась неуверенно.

— Какие мы деловые стали.

— Стали.

Она ушла обиженной. Николай услышал, как у калитки соседка встретила кого-то и заговорила вполголоса. К вечеру посёлок будет знать, что Орлов берёт деньги даже с Таисии за

старую дверцу. То, что денег он не взял, потеряется первым.

Николай включил станок. До прихода Веры оставался день. На стене рядом висели два списка: восемнадцать оплаченных окон, которые не успевали, и пять чужих вещей, две из которых он уже согласился сделать без срока и цены. Теперь задержка имела не только отцовское происхождение. Три потерянных часа принадлежали ему самому.

Глава 6. Отцовский почерк

Зоя приехала в четверг после работы, последним автобусом из области. Николай встретил её у остановки на старой «Ниве». Автобус ушёл дальше по шоссе, оставив после себя облако снежной пыли и запах солярки. Зоя поставила на заднее сиденье рюкзак, ноутбук и плоскую картонную папку.

— Ты ужинал? — спросила она вместо приветствия.

— Потом.

— Значит, нет.

— В мастерской чай есть.

Зоя захлопнула дверь и пристегнулась. На коленях она держала папку так, будто в ней лежало что-то хрупкое. Николай знал: там распечатки его договора с Верой, смета и список платежей. Дочь прислала всё днём, но он открыл только первую страницу. Строки материалов шли одна под другой, у каждой была цена, а внизу стояла сумма нехватки. После неё Николай перестал читать.

Они проехали мимо тёмной почты, магазина с единственным освещённым окном и поворота к дому. Николай не свернул.

— Куда мы? — спросила Зоя.

— В мастерскую. Ты же ради тетради приехала.

— Я приехала ради тебя. Тетрадь можно было сфотографировать.

— Там не всё понятно по фотографии.

Она посмотрела на него, но спорить не стала.

Во дворе мастерской лежал свежий снег. Николай утром чистил дорожку, а за день её снова занесло. Он включил наружный фонарь, отпер калитку и пропустил Зою вперёд. В цеху печь уже погасла. На стекле изнутри вырос иней, в темноте белели собранные рамы.

— Ты здесь сегодня топил? — спросила Зоя.

— До шести.

— Сейчас восемь.

— Быстро остыла.

Он положил в печь щепу, сверху два полена и стал искать спички. Зоя сняла пальто, но не расстегнула. Увидела лист на стене.

— Это ты сделал?

— Список.

Она подошла ближе и прочитала три столбца. Под «Оплачено» стояла одна Вера. Под «Принято» — дверца Таисии и табурет Геннадия. В строке дверцы Николай уже поставил галочку.

— Сколько заплатила Таисия?

— Нисколько. Я же вписал не туда.

— Сколько часов?

— Три примерно.

— Значит, эти три часа заплатит Вера просрочкой. Или ты сам.

Николай чиркнул спичкой сильнее, чем требовалось. Головка отлетела. Вторую он зажжёт спокойно.

— Я позвал тебя не для этого.

— Я знаю. Но это то же самое.

Огонь взял щепу. Николай прикрыл дверцу печи, оставив щель. Потом достал из нижнего ящика стола отцовскую тетрадь. Чёрная клеёноччатая обложка была затёрта по углам, корешок укреплён синей изолентой. Аркадий носил её то во внутреннем кармане телогрейки, то засовывал под телефон на конторке. Никому не разрешал писать в ней, даже Николаю.

Зоя освободила край верстака от струбцин и расстелила большой лист бумаги.

— Я предлагаю четыре группы, — сказала она. — Оплаченная работа. Неоплаченная работа. Долги мастерской. Личные обещания деда. И пятая — непонятно, пока не найдём подтверждение.

— Уже пять.

— Уже пять.

Она написала названия групп печатными буквами. Николай поставил тетрадь рядом, но не открыл.

— А подарки куда? — спросил он.

— Отдельно, если они действительно подарки.

— Тогда шесть.

— Пусть шесть. Нам не надо, чтобы всё поместилось в красивую таблицу. Надо понять, что люди могут от нас тре-

бовать.

Слово «требовать» ему не понравилось.

— Люди не все требуют.

— Тогда понять, что мы обязаны сделать, а что можем сделать, если захотим.

— «Мы»?

Зоя сняла перчатки и положила их на папку.

— Я четверть унаследовала. Если долги относятся к имуществу, это касается и меня. Поэтому мы. Работать бесплатно в цеху я не обязана. Поэтому тут — ты.

Николай открыл тетрадь с конца. Там лежала квитанция за электричество и сложенный вчетверо лист с номерами телефонов. Он перелистнул несколько страниц к началу.

Почерк отца менялся в зависимости от инструмента и спешки. Шариковой ручкой Аркадий писал тесно, наклоняя строки вверх. Карандашом — крупно, нажимая так, что след оставался на трёх следующих листах. Имена сокращал до одной буквы, если считал, что и так запомнит. Суммы иногда обводил, иногда перечёркивал, иногда ставил рядом галку. Что означала галка, Николай не знал.

— Начнём с декабря, — сказала Зоя. — Всё свежее.

— С Веры надо начинать.

— Вера уже в договоре и банке. Её мы понимаем лучше всего.

— Поэтому с неё проще.

Зоя пододвинула лист.

— Хорошо. Читай.

Николай нашёл страницу с пометкой «Мал.». Ниже стояли размеры восемнадцати проёмов, отдельно — ширина лестницы и суммы: аванс, закупка, остаток. Возле аванса была жирная галка. Возле закупки — буква «С» и число, не совпадавшее ни с одним переводом Семёну.

— «Сорок восемь — С, остальное после рам», — прочитал Николай.

— Семён?

— Наверное.

— Перевод на сорок восемь есть?

— Есть шестьдесят пять. И ещё тридцать наличными по его словам.

— Тогда не наверное.

— Кто ещё это может быть?

— Не знаю. Поэтому «непонятно».

Она записала: «Малышева: договор, аванс подтверждён; 48 000 — С, назначение не подтверждено». Николай нахмурился.

— Если Семён подтвердит, перепишем.

— Если подтвердит, — согласилась Зоя.

На следующей странице была запись: «Тая — стекло, угол. Рыба». Зоя подняла глаза.

— Дверца?

— Скорее всего.

— Она принесла рыбу за ремонт?

— Говорит, по-соседски.

— Дед написал рядом с работой.

— Он всё рядом писал.

— Значит, пока непонятно.

— Дверцу я уже сделал.

— Это не делает рыбу оплатой.

Николай провёл пальцем по слову. Отец написал «рыба» особенно жирно, карандаш в конце прорвал бумагу. В памяти возник эмалированный таз на кухне, четыре плоские камбалы, соль на столе. Аркадий тогда сказал: «Таисия помнит добро». Про дверцу не упомянул.

— Подарок, — сказал Николай.

— Почему?

— Потому что рыбу он домой принёс. В кассу не положил.

— Деньги он тоже иногда домой приносил.

— Рыбу в кассу не положишь.

Зоя не улыбнулась.

— Если подарок, то ремонта за него не должны. Если плата, то ты выполнил оплаченный заказ. Выбери не по тому, что приятнее помнить, а по тому, что они договорились.

— Их обоих надо спрашивать. Одного уже не спросишь.

— Поэтому вторую можно спросить.

Николай отодвинул тетрадь.

— Я не буду ходить по посёлку и выяснять, кто отцу дал две рыбины пять лет назад.

— Эта запись декабрьская.

— Тем более. Дверь готова, вопрос закрыт.

— Для дверцы — закрыт. Для способа считать — нет.

Печь загудела. Николай снял телогрейку, повесил на гвоздь. Зоя наконец расстегнула пальто, но осталась в нём.

Они пошли дальше. «Гена — горбыль, таб. опять» Николай отнёс к обмену: Геннадий привёз дровяной горбыль, отец починит табурет. Зоя спросила, сколько стоил горбыль и кому он принадлежал после доставки. Николай не знал. Они поставили запись между подарком и оплатой.

«Лид. книги. створки весной» Зоя сразу поместила в личное обещание.

— Почему? — спросил Николай.

— Лидия Сергеевна сказала, что книги подарила. Дед обещал потом. Никакой цены.

— Он мог считать книги ценой.

— Мог. А она — нет. Обмен существует, когда обе стороны понимают, что меняют.

Николай вспомнил тонкие тома в отцовском доме. Часть стояла на подоконнике, два лежали в туалете на бачке. Аркадий любил листать альбомы про старые шхуны, но редко дочитывал текст.

— Створки я не принимал, — сказал Николай.

— Принял. Они у стены.

— Цену не назвал.

— Ты сказал оставить.

Он посмотрел туда, где две белые створки заслоняли пач-

ку фанеры.

— Я сначала разберу.

— Вот. Ты опять начал работу до согласования. Если нижний брус сгнил, после разборки она не сможет забрать створку такой, какой принесла. Ты уже принял ответственность.

Николай хотел возразить, но знал, что дочь права. В старой створке краска удерживала древесину лучше клея. Стоило вынуть стекло и снять нижний брус, обратного пути не будет.

Зоя написала: «Лидия Сергеевна — две створки. Не разбирать до цены и срока». Подчеркнула дважды.

— Не командуй в моей мастерской.

Ручка остановилась.

— В нашей на четверть.

Слова прозвучали без нажима, и оттого ударили точнее. Николай закрыл тетрадь.

— Тогда, может, сама и сделаешь четверть окон?

— Я сделала расчёт. Бесплатно. Хотя ты вчера сказал, что свою часть я уже сделала и могу не лезть.

— Смета — не окно.

— А окно без сметы — это твои минус сто сорок шесть тысяч.

Они замолчали. В печи осыпалась кора. За стеной ветер потёр ветку о крышу, будто кто-то провёл ногтем по доске.

Николай открыл тетрадь на той же странице.

— Дальше.

Зоя не сразу взяла ручку. Потом записала число страницы и продолжила.

После мелких заказов пошли суммы. «П. закрыл. До весны не трогать» стояло посреди листа, отдельно от всех имён. Ниже отец приписал: «180 лод. 60 отр. 120 мой». Последнее слово было подчёркнуто.

— Вот, — сказал Николай. — Сто двадцать его.

— Что значит «его»?

— Павла.

— Написано «мой».

Николай наклонился ближе. Последняя буква действительно походила на короткое «й», но у отца «й» и «и» часто были одинаковыми.

— Может, «мои».

— Сто двадцать мои?

— Может, он имел в виду свои деньги.

— Тогда почему ты говоришь, что долг Павла?

— Потому что Павел испортил материал.

— А дед написал расписку от своего имени.

Николай перелистнул страницу, словно продолжение могло лежать на обороте. Там был рисунок лестничной ступени.

— Он собирался вычесть работой.

— Павел сказал то же самое. Сколько вычел?

— Не считали ещё.

— За два месяца?

— Павел работал не каждый день.

— Поэтому нужны часы, ставка и остаток. Не слово «закрыл».

— Он человеку помог. У Павла дочь в больнице была.

— Я не спорю, что помог. Я хочу понять, кому и сколько мы теперь должны.

— Всё у тебя «мы должны».

— Потому что тетрадь лежит в мастерской, деньги ушли со счёта мастерской, расписку могут предъявить наследникам, а ты зовёшь Павла работать бесплатно. Это не одна добрая история. Это четыре разных дела, которые дед связал узлом.

Николай поднялся и налил воду в чайник. Движение помогло не ответить сразу. Он поставил чайник на печь, достал две кружки. В сахарнице лежала одна отсыревшая ложка сахара. Зоя принесла из рюкзака два бутерброда, завёрнутых в бумагу.

— Мама сделала? — спросил Николай.

— Я. У мамы завтра смена.

— Могла бы не ездить в такую погоду.

— Могла бы. Но тогда ты сам решишь, что все записи означают то, что удобнее мастерской.

— Удобнее мне было бы закрыть дверь и продать станки.

— Если это окажется единственным честным вариантом, его тоже надо видеть.

Он резко поставил кружку на верстак. Чай выплеснулся на край листа. Зоя отдёрнула бумагу, промокнула угол сал-

феткой.

— Ты только этого и ждёшь, — сказал Николай. — Чтобы оценщик пришёл, всё разложил по цене, и можно было кусок отрезать.

— Я жду, когда моя доля перестанет быть для тебя предательством.

— Дед строил эту мастерскую сорок лет.

— А я её не строила. Ты тоже строил, но дед оформил так, как оформил. Теперь четверть моя. Я не просила её и не обязана делать вид, что это просто красивое свидетельство без цены.

— Здесь не квартира. Четверть стены не вынесешь.

— Я знаю. Поэтому заказала оценку, а не пилу.

Николай взял бутерброд, но не ел. Хлеб пах чесноком и колбасой. Он смотрел на список, где дочь написала имя Павла сразу в трёх местах: долг, работа, личная помощь. Одного человека она разрезала на части, как смету.

— Отец так не жил, — сказал он.

— Я знаю.

— Для него если человек свой, то свой целиком.

— А если чужой?

— Чужих здесь мало.

— Вера своя?

Николай не ответил.

— Она заплатила больше всех, — продолжила Зоя. — Но в его тетради Таисия с рыбой и Павел с больницей понятнее,

чем её аванс. Потому что с ними у деда была история. А Вера принесла деньги и договор. Теперь её заказом ты хочешь расплатиться за все истории сразу.

— Я хочу закончить то, что он начал.

— Тогда закончи её заказ. Не изображай всего деда целиком.

Николай откусил бутерброд. Жевал долго, хотя хлеб был мягкий.

Они вернулись к тетради. Зоя больше не произносила «наша мастерская». Николай больше не спорил с каждым заголовком. Они проверяли запись за записью.

Борисова липа нашлась на августовской странице: «БК липа 0,18. Нал. 3+дв. Работа за лодку?» Последний знак вопроса был отцовским. Николай даже усмехнулся.

— Видишь, он сам не решил.

— А Борис уже решил.

— Материал его. Это точно.

— Тогда пометим пачку и не используем. Работу отдельно согласуем.

Николай принёс стремянку, поднялся к верхнему стеллажу. На торцах липовых досок действительно стояли буквы «БК», выведенные синим маркером. Он пересчитал доски и измерил толщину.

— Хватит с запасом, — сказал он.

— Не режи до разговора.

— Я понял.

Он прикрепил к пачке картонку: «Материал Бориса Кленова. Не использовать». Раньше ему показалось бы стыдным так подписывать древесину в отцовском цеху. Сейчас картонка дала странное облегчение: по крайней мере, эти доски не были ни подарком, ни долгом, ни частью окон.

Запись Михаила Дронова нашлась ближе к осени: «Миша мотор 20. Дверь низ. Скидку не забыть». Николай прочитал дважды.

— Значит, он не врал, — сказал он.

— Про что именно?

— Про скидку за дверь.

— Написано, что мотор двадцать, дверь и скидка. Не написано, что ремонт двери бесплатный.

— Он продал мотор дешевле.

— Дед собирался учесть скидку. Размер скидки есть?

— Нет.

— Цена ремонта есть?

— Нет.

— Тогда позвони и согласуй.

Николай достал телефон. Было почти десять. Михаил обычно ложился поздно, зимой ремонтировал сети в сарае.

— Сейчас?

— Пока запись перед глазами.

Михаил ответил после третьего гудка.

— Передумал, что ли?

— Нашёл запись отца. Про мотор, дверь и скидку.

— Я же говорил.

— Сколько была скидка?

— Двадцать тысяч.

— Отец записал, что мотор двадцать. Не что скидка двадцать.

На том конце стало тихо.

— А сколько он хотел? — спросил Михаил.

— Не записал.

— Значит, весь ремонт. Мы так говорили.

— Ты сказал, при Павле.

— При нём.

— Завтра спрошу. Дверь пока не вези. Я посмотрю её у тебя, посчитаю работу и вычту подтверждённую скидку. Если она была меньше работы, остальное оплатишь. Если больше — решим отдельно.

— Коля, ты за одну ночь бухгалтером стал?

— Нет. Поэтому и считаю.

— Аркадий обещал без этих танцев.

Николай посмотрел на тетрадь.

— Аркадий написал «скидку не забыть». Я не забуду. Но сколько и за что — уточню.

Михаил шумно выдохнул.

— Ладно. Приезжай. Только не через месяц.

— После пятницы позвоню.

Он отключился. Зоя не похвалила и не улыбнулась, просто поставила возле строки маленькую точку.

— Что это? — спросил Николай.

— Разговор начат, решения нет.

— Галку поставь.

— Галку дед ставил. Мы не знаем, что она значит.

Николай посмотрел на отцовские страницы, испещрённые галками. Раньше каждая казалась знаком порядка. Теперь они были следами решений, которые существовали только в голове одного человека.

В одиннадцать они дошли до записи «Грач. 92 + 64. До пут.». Николай принёс накладные Семёна. Первая сумма совпала с долгом за сосну. Вторая оказалась на четыре тысячи больше одной из накладных.

— «До пут» — до путины? — спросила Зоя.

— Наверное. Летом у него деньги были бы.

— У кого?

— У отца. На лодочных заказах.

— Значит, он обещал Семёну рассчитаться летом?

— Похоже.

— А Семён требует до конца месяца.

— Потому что отец умер.

— Или потому что у них был другой разговор.

Николай потёр переносицу. Семён знал Аркадия тридцать лет. Они вместе ходили на рыбалку, ссорились из-за сучков в досках и снова торговали. Спросить его прямо означало признать, что Николай не понимает их договорённостей. Но тетрадь уже доказала: он действительно не понимает.

— Завтра позвоню ему при тебе, — сказал Николай.

— Завтра у тебя Вера.

— До Веры.

— И ей покажешь настоящий график?

— Покажу рамы.

— Пап.

— Она приезжает смотреть работу.

— Она приезжает за графиком и сведениями о стеклопакетах.

Николай закрыл страницу ладонью.

— Стеклопакеты можно заказать после её следующего платежа.

— Следующий платёж по договору после готовности половины рам. Половины нет.

— Будет.

— Когда?

— Если не сидеть ночами над почерком, быстрее.

Зоя отложила ручку.

— Вот поэтому я хотела сделать опись. Чтобы ты перестал отвечать на каждый вопрос будущей работой.

— Окна я умею делать.

— А денег на стекло от этого сегодня не стало.

Николай поднялся. В дальнем конце цеха стояли три рамы: первая собранная, восьмая переделанная и вторая, которую он закончил после ухода Таисии. У второй ещё не были выбраны пазы под фурнитуру. Для Веры он собирался по-

ставить их рядом, чтобы издалека казалось, что работа идёт сразу над несколькими.

— Я закончу девять рам, получу платёж и закажу стекло,
— сказал он.

— Из чего закончишь девять? По твоим же измерениям влажность части леса выше нормы.

— Не всей партии.

— А сухого хватает?

Он не ответил. Эту проверку он откладывал. Доски с маркировкой для заказа лежали двумя штабелями. Верхние были сухими, нижние Аркадий привёз поздней осенью и сложил без прокладок.

Зоя проследила его взгляд.

— Завтра проверим каждую доску и впишем, сколько реально можно сделать.

— Мы?

— Я могу записывать показания. Это не значит, что я остаюсь работать бесплатно до мая.

— Я не просил.

— Ещё нет.

Она начала складывать листы. Николай придержал большой лист с шестью группами.

— Оставь здесь.

— Дедову тетрадь тоже?

— Она всегда здесь лежала.

— Лучше убрать в нескораемый шкаф или хотя бы сфото-

графировать. Это единственная запись части обязательств.

— Она сорок лет не горела.

— Печь тоже сорок лет стояла?

Николай посмотрел на красную дверцу и на опилки под верстаком. Аркадий курить в цеху запрещал, но документы держал в деревянном ящике рядом с проводкой. Николай взял тетрадь, перелистнул к первой заполненной странице и начал фотографировать развороты.

Зоя молча помогала прижимать корешок линейкой. На двадцать третьем снимке телефон сообщил, что память почти заполнена. Она достала свой, и дальше снимала сама. Каждый щелчок сохранял страницу, но Николай ощущал, будто тетрадь у него понемногу забирают.

На предпоследнем развороте за обрывком календаря обнаружилась запись, которую они раньше пропустили: «Коля — земля отдельно. Цех потом пополам? Зойке не отдавать деньгами — уйдут. Пусть дело держит».

Зоя перестала фотографировать.

Николай прочёл ещё раз. Вопросительный знак после слова «пополам» был едва заметным. Фраза про Зойку шла ниже, тем же карандашом.

— Это когда? — спросила она.

— Даты нет.

— Он хотел, чтобы я держала дело?

— Может, думал со временем оформить иначе.

— И решил, что деньги мне нельзя отдавать.

— Это заметка. Не завещание.

— Я понимаю.

— Он мог иметь в виду, что мастерская надёжнее денег.

— Для кого надёжнее?

Николай провёл большим пальцем по краю страницы.

— Ты тогда училась. Тратила всё.

— Я работала по вечерам и сама платила за комнату.

— Я не говорю, что он прав.

— Ты объясняешь, почему он имел право так думать.

— Каждый думает что хочет.

— А потом оформляет четверть мастерской и оставляет тебе разбираться, можно ли мне доверять свою жизнь.

Она сфотографировала страницу. На этот раз звук камеры показался особенно громким.

— Не надо было тебе это показывать, — сказал Николай.

Зоя медленно подняла голову.

— Вот именно поэтому надо было.

— Что изменилось? Доля всё равно твоя.

— Изменилось то, что ты прочитал и первым делом решил спрятать.

— Чтобы тебя не обижать.

— Нет. Чтобы дед остался человеком, который просто хотел лучшего. А я — неблагодарной внучкой, если продам.

Николай закрыл тетрадь.

— Он тебя любил.

— Верю. Но любовь не делает каждое его решение моим

долгом.

Она надела пальто. Николай хотел напомнить, что они собирались ночевать в его доме, утром вместе ехать к Вере. Но Зоя не уходила. Она стояла у стены и читала лист с тремя столбцами.

— Добавь ещё один, — сказала она.

— Какой?

— «Чужое решение за другого». Запись про мои деньги — туда.

— Это не заказ.

— Поэтому не на этот лист. Но держи её рядом, когда будешь просить меня ждать с долей.

Николай взял чистую полоску малярной ленты. Написал: «Зоя — четверть. Решает Зоя». Рука остановилась после второго слова. Он хотел снять ленту и выбросить: выходило глупо, будто он разрешал собственнику распоряжаться своим. Но именно этого он до сих пор не разрешал, хотя говорил иначе.

Он приклеил полоску у верхнего края стены, отдельно от заказов.

— Это не договор, — сказала Зоя.

— Знаю.

— И не срок выкупа.

— Знаю.

— Но пусть висит.

Они собрали тетрадь, расписки и копии накладных в кар-

тонную папку. Зоя забрала фотографии на ноутбук и сделала вторую копию на маленький накопитель. Оригинал Николай положил в металлический шкаф, где отец хранил дорогие фрезы. Ключ висел на том же гвозде над дверью. Зоя указала на него.

— До утра сойдёт, — сказал Николай.

Было почти двенадцать. Печь снова догорала. Перед уходом Николай подошёл к доске заказов. Под «Не согласовано» добавил Михаила и рядом написал: «осмотр, цена, скидка после подтверждения». Возле створок Лидии Сергеевны — «не разбирать». У Павла поставил не галку, а точку.

— Почему точка? — спросила Зоя.

— Разговор начат, решения нет.

Она кивнула.

На улице снег прекратился. Они шли к машине по расчищенной дорожке, и Зоя несла ноутбук, прижимая его к груди. Николай запер ворота, дважды дёрнул замок.

— Завтра Вере всё покажешь? — спросила дочь.

— Всё, что касается её заказа.

— Нехватку тоже?

Николай посмотрел на тёмное окно мастерской. За ним оставались три рамы, сырой лес, отцовская тетрадь в железном шкафу и список, который впервые не пытался превратить все обещания в одну обязанность.

— Сначала проверим материал, — сказал он.

Зоя открыла дверцу машины.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он завёл двигатель. Фары осветили ворота и табличку «Столярная мастерская Орловых». Буквы вырезал Аркадий, Николай только покрывал их лаком. Снег забился в углубления, и фамилия читалась отчётливее остального.

По дороге домой Зоя не говорила. Николай тоже молчал, но теперь молчание не скрывало старые цифры. Оно оставляло место одной новой: утром им предстояло узнать, на сколько честных рам действительно хватит сухого леса.

Глава 7. Первая рама

В половине восьмого утра Зоя записывала на доске числа, а Николай вытаскивал сосновые заготовки из нижнего штабеля.

Ночью мороз усилился. Печь топили с шести, но железные станки ещё обжигали холодом. Николай работал в перчатках: снимал доску, ставил её на козлы, прижимал щуп влагомера к свежему срезу и называл показание.

— Восемнадцать и семь, — сказал он.

— Это куда?

— В сторону.

Зоя написала «18,7» и поставила крестик. За первый час таких крестиков набралось девять. Галок — семь.

— В магазине на этом приборе мерили? — спросила она.

— Летом сверял с Семёновым. Расхождение было меньше единицы.

— Может, батарейка садится.

— На сухих показывает двенадцать.

Николай перевернул доску и измерил с другого конца. Семнадцать и девять. Середина наверняка была ещё сырее. Для уличной лестницы материал мог бы досохнуть после правильной укладки, но оконную раму из него собирать сейчас нельзя. В тёплом доме древесина начнёт отдавать влагу, уменьшится поперёк волокон, и створку поведёт. К осени

окно станет заедать или между деталями появятся щели.

— Следующая, — сказала Зоя.

— Я сам вижу.

— Тогда называй.

Он снял верхнюю доску. На торце стояло «М-12», отцовская пометка для заказа Малышевой. Внешне сосна была чистой: прямое волокно, два небольших сучка вне будущих соединений. Николай подрезал край, прижал прибор.

— Двадцать одна и три.

Зоя перестала писать.

— Это сильно плохо?

— Сильно.

— Может досохнуть до мая?

— В штабеле с прокладками — может. В раме — куда захочет, туда и пойдёт.

Николай отнёс доску к дальней стене. Сначала он складывал забракованные заготовки прямо на пол, потом заметил, что Зоя каждый раз смотрит на мокрый след от снега у ворот. Он положил поперёк два сухих бруска и устроил отдельный штабель.

— Почему дед их не просушил? — спросила она.

— Привезли поздно. Камера у Семёна была занята.

— Он знал влажность?

— Должен был.

— Дед или Семён?

— Оба.

В тетради возле этой партии стояло только: «Сосна 2,4. Забрать до снега». Ни процента, ни отметки о сушке. Николай помнил день доставки. Шёл мокрый снег, Аркадий торопил разгрузку и ругал водителя за то, что тот заехал колесом на кучу щепы. Николай спросил, откуда лес. Отец ответил. «Нормальный, к весне встанет». Тогда они сложили доски плотно, потому что в цеху не было места для широкого штабеля с прокладками.

«К весне» означало, что материал должен лежать до весны. Но окна требовалось делать зимой.

— Он собирался пустить это на лестницу, — сказал Николай.

— На досках написано «М-12».

— Малышева. Не окно.

— В накладной эта партия посчитана как оконный брус.

Николай снял следующую заготовку. На ней отец карандашом вывел «13 низ». Для тринадцатого окна, размеры которого потом изменились.

— Значит, собирался сушить, — сказал он.

— Как?

— Переложить, поставить вентилятор. Здесь зимой воздух сухой.

— Когда?

— Зоя, я не могу ответить за каждое его «когда».

— Я не про него. Когда ты собирался это сделать?

Николай прижал шуп. Девятнадцать и четыре.

— Сегодня переложу.

— А до сегодняшнего ты думал, лес готов.

— Я думал, часть готова.

— Часть — это сколько рам?

Он посмотрел на доску с числами. Проверили меньше половины нижнего штабеля. Если соотношение сохранится, сухого материала хватит на пять обычных рам, может быть на шесть при бережном раскрое. Три рамы уже стояли собранными, но одна из них была сделана Аркадием из той же партии. Её Николай не проверял изнутри.

— Сначала закончим, — сказал он.

Зоя поправила шапку. В цеху уже стало тепло, но она не снимала её: волосы собирали древесную пыль.

Они проверили ещё двадцать две заготовки. Николай откладывал сухие к верстаку, пограничные — в середину, сырые — к дальней стене. Чем ниже разбирали штабель, тем выше становились показания. Две доски покрылись с нижней стороны тёмными точками. Плесень вошла неглубоко, её можно было снять при обработке, но для лицевых деталей Николай их уже не использовал бы.

На самом дне лежала пачка без прокладок, стянутая пластиковой лентой. Николай разрезал ленту ножом. Доски распрямились не все: две остались выгнутыми, как слабый лук.

— Двадцать четыре, — сказал он после замера первой.

— Крестик?

— Пиши отдельно. Это не заготовки.

— А что?

— Пока доски.

— За них заплатили как за заготовки.

Он ничего не ответил.

К девяти на полу стояли три штабеля. Сухой был самым маленьким. Пограничный — примерно таким же. Сырой занимал почти всё место возле перегородки.

Зоя посчитала отметки.

— Двадцать восемь сухих, семнадцать между шестнадцатью и восемнадцатью, тридцать девять выше восемнадцати. Из них девять выше двадцати двух.

— Пограничные можно досушить.

— За сколько?

— Зависит от сечения, температуры, движения воздуха.

— До первой половины рам?

— Некоторые.

— Сколько окон из двадцати восьми сухих?

Николай взял лист раскроя. Заготовки отличались по длине и сечению. Простое деление здесь не работало: на широкую нижнюю деталь нельзя поставить узкую, а из короткой не вырастет длинная стойка. Он разложил отметки по размерам, вычеркнул сучки возле будущих шипов, прикинул остатки.

— Четыре полных, — сказал он. — И почти пятое.

— Вместе с тремя собранными?

— Нет. Ещё четыре.

— Тогда семь из девяти для следующего платежа.

— Восьмую можно собрать из пограничных, если досушить.

— А девятую?

— Разберусь.

— То есть материала нет.

— То есть его надо купить.

Зоя посмотрела на часы.

— Вера будет через сорок минут.

Николай почувствовал, как всё утро сжимается до этих слов. До проверки лес был плохой запас, который можно перебрать позже. Теперь на доске стояли тридцать девять крестиков.

Он подошёл к первой раме, собранной ещё отцом. Она стояла вертикально возле стены, стянутая временными уголками. Поверхность была гладко прострогана, соединения посажены плотно. Именно её Николай собирался показать Вере как доказательство, что заказ движется.

— Дай прибор, — сказал он.

— Здесь же поверхность обработана.

— Покажет меньше, чем внутри. Но покажет.

Он приложил щуп к нижнему брусу. Пятнадцать и восемь. К боковой стойке — четырнадцать и два. Верхняя перекладина дала тринадцать.

— Нормально? — спросила Зоя.

— На границе.

Николай осмотрел торец возле шипа. Там оставалась узкая технологическая выемка. Он ввёл щуп глубже. Семнадцать и шесть.

— Значит, внутри сырее, — сказала Зоя.

— Всегда внутри сырее.

— Эту раму можно ставить?

Николай провёл ладонью по нижнему брусу. Если рама будет ещё месяц стоять в мастерской до стеклопакета, она подсохнет. Но соединения уже склеены. Внутренние части шипов отдадут влагу неравномерно. Вполне возможно, ничего не случится. Возможно, угол уйдёт на два миллиметра, и створку придётся подгонять. Для обычного сарая он бы не тревожился. Для гостевого дома, где Вера потребует приёмку каждого окна, риск был лишним.

— Надо наблюдать, — сказал он.

— Это да или нет?

— Это дерево, Зоя. Оно не отвечает «да» или «нет» по цифре.

— Но ты отвечаешь за результат.

— Я отвечу.

Он поставил первую раму отдельно от двух других. На малярной ленте написал дату и три показания.

— Что с ней делать? — спросила Зоя.

— Оставить в тепле, перемерить через неделю, проверить диагонали.

— Вере скажешь?

Николай услышал, как на улице проехала машина. Шины хрустнули по насту, звук остановился у ворот.

— Убери прибор, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы не валялся.

— Он на верстаке.

— Зоя.

Она положила влагомер рядом с доской, но не убрала в ящик.

Вера вошла без стука, стряхнула снег с сапог у порога. На ней был короткий пуховик, под мышкой — папка с договором. Она поздоровалась с Зоей, сняла перчатки и сразу посмотрела на три рамы.

— В понедельник была одна, — сказала она.

— Вторая собрана вчера, восьмую переделал под новый проём, — ответил Николай.

— А первая чья?

— Отец начал.

Вера подошла и провела пальцем по гладкой кромке. Потом заметила ленту с цифрами.

— Что это?

— Контрольные замеры.

— Какие?

— Влажность.

— Нормальная?

Николай снял с крючка рулетку.

— Сначала покажу размеры. Восьмая теперь соответствует вашему исправленному проёму.

— Я спросила про влажность.

Зоя стояла у доски с числами. Николай не смотрел на неё.

— Верх и стойки в норме, нижняя деталь выше желательного, — сказал он. — Рама остаётся здесь под наблюдением.

— Что значит «выше желательного»?

— Внутри почти восемнадцать процентов. Снаружи меньше шестнадцати.

— А должно быть сколько?

— Для работы желательно двенадцать-пятнадцать. До установки она ещё высохнет.

Вера убрала руку от рамы.

— Она потом не перекосится?

— Я проверю до остекления.

— Это не ответ.

Ту же фразу ночью произнесла Зоя у машины. Николай разложил рулетку до конца и снова втянул ленту.

— Если показатели и геометрия не будут нормальными, эту раму не поставлю.

— Переделаете?

— Переделаю.

— За чей счёт?

— За счёт мастерской.

Вера кивнула, но лицо не смягчилось.

— Показывайте остальные.

Николай измерил диагонали второй рамы, объяснил, где будет фурнитура, показал переделанные соединения восьмой. Вера записывала числа в свой блокнот. Раньше Аркадий не позволял заказчикам ходить с рулеткой по цеху. Говорил: либо доверяете мастеру, либо ищите другого. Николай чувствовал привычное раздражение, но сам называл каждое значение.

— Три штуки, — сказала Вера, когда он закончил. — По графику сегодня должны быть готовы пять.

— Ещё две в деталях.

— «В деталях» — это готовые?

— Нет.

— Тогда три.

Она открыла папку.

— Теперь новый график. И счёт на стеклопакеты, который вы обещали.

Николай достал лист, подготовленный ночью. В нём девять рам должны были быть собраны к следующей пятнице. Ниже стоял заказ стеклопакетов и предполагаемая поставка через десять рабочих дней.

Зоя не двигалась. Доска с результатами проверки находилась за спиной Веры. Сухого леса хватало ещё на четыре полных рамы.

— Девять к следующей пятнице, — прочитала Вера. — То есть шесть за неделю.

— Павел придёт в субботу.

— Я спрашивала не про Павла. Материал есть?

Николай перевернул лист.

— На часть есть. Остальное закуплю.

— На какую часть?

— На ближайшие рамы.

— Николай Аркадьевич, мы в понедельник уже выяснили, что стекло не заказано. Сегодня я вижу три рамы вместо пяти и одну с сырой деталью. Мне нужен не успокаивающий лист. Мне нужно знать, когда я получу окна.

— В графике написано.

— Он выполнимый?

Николай взглянул на штабель у дальней стены. От Веры его закрывала перегородка и две старые створки. Если сегодня оформить у Семёна сухой лес, привезти в понедельник и сразу начать раскрой, шесть рам за неделю вдвоём с Павлом были возможны. Но Семён не отпустит материал без старого долга. Денег на погашение и новую партию не было.

— При поставке материала, — сказал Николай.

— Она оплачена?

— С поставщиком договариваемся.

Зоя тихо выдохнула. Вера повернулась к ней.

— Вы считали смету?

— Считала, — ответила Зоя.

— Денег хватает?

Николай положил ладонь на лист.

— Договор у вас со мной.

— Договор был с вашим отцом.

— Я продолжаю заказ.

— Тогда отвечайте. Денег хватает?

— На текущую работу — да.

Зоя посмотрела на него. Николай понял, что выбрал формулировку отца: не солгал прямо, но оставил себе право решить, что считать текущим.

Вера закрыла папку.

— Я дам вам неделю. В следующую пятницу здесь должны быть девять принятых рам, не просто склеенных деталей. Должен быть подтверждённый заказ на стеклопакеты. Если этого нет, я направляю письменное требование о возврате аванса и иду к юристу.

— Если вы потребуете весь аванс сейчас, работа остановится.

— Она и так почти стоит.

— Три рамы за неделю — не стоит.

— По вашему первому графику к сегодняшнему дню было пять. По договору к февралю должно было быть больше. Я не обязана каждый раз радоваться меньшему числу только потому, что вы его показали.

Николай почувствовал, как сжимает рулетку. Острый край корпуса впился в ладонь.

— Девять будут.

— Запишите это с датой и подписью.

— В договоре уже есть срок.

— Тогда зачем вы приносили новый график?

Он взял ручку. На листе написал: «К пятнице, 6 февраля, предъявить девять рам для промежуточной проверки». Подписался. Вера поставила свою подпись ниже и сфотографировала лист.

— Сырой лес в эти девять не войдёт, — сказала она.

— Не войдёт.

Зоя едва заметно повернула голову к нему.

Вера надела перчатки.

— Счёт за стекло пришлите до понедельника. Не обещание заказать, а счёт поставщика и срок.

— Пришлю.

— И ещё. Про первую раму напишите отдельно: показатели сейчас и результат через неделю. Я не хочу осенью объяснять гостям, почему окно не закрывается.

После её ухода Николай запер ворота и некоторое время стоял, держа засов. Машина Веры развернулась во дворе и скрылась за снежным валом.

— «На текущую работу — да»? — спросила Зоя.

— На семь рам хватает.

— На ещё четыре. Три уже сделаны из того, что было оплачено раньше. Денег на новую древесину нет.

— Я договорюсь с Семёном.

— У него старый долг.

— Поэтому поговорю.

— Ты обещал девять рам, зная, что сухого леса на девять

нет.

— Я обещал результат через неделю. За неделю лес можно найти.

— На какие деньги?

Николай снял с доски лист с показаниями и положил на верстак.

— Не начинай.

— Ты просил меня считать. Я считаю.

— Я не просил вести переговоры за меня.

— Я ничего ей не сказала.

— Но стояла с таким лицом, будто я ворую у неё из кармана.

Зоя медленно застегнула папку.

— Ты взял её аванс, пусть даже не своими руками. Теперь скрываешь, что его не хватает. Какое у меня должно быть лицо?

— А если я скажу сейчас: денег нет, материала нет, верну когда-нибудь? Она остановит заказ. Потребуется всё сразу. Тогда не будет ни окон, ни мастерской, ни твоей доли.

— Ты не знаешь, что она сделает. Потому что не сказал.

— Я знаю людей.

— Дед тоже так говорил?

Николай ударил ладонью по верстаку. Влагомер подпрыгнул и упал на бок.

— Не надо каждую мою ошибку делать его наследством.

Зоя отступила на шаг.

— Хорошо. Эта — твоя.

Она надела рюкзак.

— Ты куда?

— На автобус.

— Мы собирались к Семёну звонить.

— Звони. Только сначала реши, что хочешь узнать: правду о долге или новые слова, которыми можно дотянуть до пятницы.

— Не драматизируй. Я тебя отвезу.

— Автобус через сорок минут. Дойду.

— Двадцать градусов.

— У меня одежда есть.

Она пошла к двери. У старых створок остановилась и посмотрела на сырой штабель.

— Это тоже спрячешь до следующей пятницы?

— Я его сушить буду.

— За перегородкой?

Николай ничего не сказал. Зоя вышла.

Он постоял у окна, пока она шла по двору. Можно было догнать, завести машину и отвезти на остановку. Но тогда пришлось бы сидеть рядом, слушать её молчание и, возможно, обещать разговор с Верой. Николай вернулся к верстаку.

На подписанном графике стояла дата. Девять рам.

Он позвонил Семёну. Тот ответил сразу, будто ждал.

— Ну что, нашёл деньги?

— Нашёл вашу запись в тетради отца. Девяносто две плюс

шестьдесят четыре, до путины.

— Было такое.

— Вторая накладная на шестьдесят.

— Четыре — доставка. Я сам машину нанимал.

— Почему в накладной нет?

— Потому что водитель не мой. Аркадий наличными обещал.

— Подтверждение есть?

— Коля, ты серьёзно?

— Серьёзно. Мне надо отделить долг по материалу от разговоров.

— Отделяй. Девяносто две по первой, шестьдесят по второй, четыре доставка. И ещё двенадцать за дубовые ступени, которые вы осенью забрали без бумаги.

Николай закрыл глаза.

— Какие ступени?

— Три щита. Павел грузил.

— У нас их нет.

— Куда дели — не знаю. Может, на тот катер пустили.

— Отец это признавал?

— Он сказал: «Сведём после Малышевой». Мне этого хватало.

— Мне не хватает.

— Тебе вообще теперь ничего не хватает. Ни денег, ни слова.

Николай сжал переносицу.

— Мне нужен сухой оконный брус на две рамы. Лучше на три.

Семён засмеялся один раз, без веселья.

— В долг?

— С оплатой после следующего платежа Веры.

— Нет.

— Я закончу девять рам, получу этап.

— За мой лес.

— За неделю верну.

— Твой отец говорил «до путины». Теперь январь, его нет, долг есть. Я ещё дам — потом кто мне вернёт? Зоя четвертью станка?

Имя дочери заставило Николая выпрямиться.

— Зою не впутывай.

— Она наследница. Сам к нотариусу ходил.

— Материал беру я.

— Тогда плати ты.

— Семён, заказ встанет.

— Пусть Вера доплатит.

— По договору платёж после девяти рам.

— Значит, делай из того, что купили.

Николай посмотрел на сырой штабель.

— Оно влажное.

На том конце замолчали.

— Какая партия? — спросил Семён.

— Ноябрьская. Нижний штабель.

— Я Аркадию говорил: это естественная сушка, на окна не раньше весны.

— В накладной написано «оконный брус».

— Потому что сечение оконное. Не камерный. Камерный был дороже на двадцать процентов, он отказался.

— Почему нигде не отметил?

— Я на торцах красную полосу ставил.

Николай подошёл к сырому штабелю. На нескольких досках возле маркировки «М-12» действительно проступала бледная красная черта. Он считал её отметкой партии.

— И что означает полоса?

— Воздушная сушка. У меня все знают.

— Я не знал.

— Ты при разгрузке был.

— Скажи сейчас прямо: ты продал отцу сырой лес, предупредив, что зимой на окна нельзя?

— Прямо: да. Он сказал, переложит в сушильной комнате и доведёт. У вас раньше вентилятор стоял.

Сушильной комнатой Аркадий называл задний чулан, где когда-то проходила труба от печи. Вентилятор сломался два года назад. Николай сам вынес его на металлолом.

— Камерный есть? — спросил он.

— Есть немного, но тебе не дам без расчёта.

— Хотя бы цену назови.

Семён назвал. На две рамы требовалось почти столько, сколько осталось в кассе. После покупки не хватит на элек-

тричество и клей. На три — денег не было совсем.

— Я перезвоню, — сказал Николай.

— Когда деньги будут, тогда и звони.

Разговор закончился.

Николай нашёл красный маркер и обвёл полосы на торцах, чтобы их было видно. Потом принёс прокладки, разобрал сырой штабель и сложил заново, оставляя между рядами воздух. На каждую доску ушло больше места. Штабель вырос почти до плеча и выдвинулся из-за перегородки. Теперь спрятать его от любого вошедшего было невозможно.

Первую раму он положил на верстак. Проверил диагонали: одна стала длиннее другой на миллиметр с небольшим. Возможно, так было после сборки. В отцовской записи стояло только «первая готова», без размеров.

Николай ослабил временные уголки, но рама не изменилась. Клей уже держал. Он мог оставить её и перемерить через неделю, как сказал Вере. Мог разобрать сейчас, потеряв часть деталей. Мог подровнять створку позже, если перекос остановится.

Он взял карандаш и на внутренней стороне написал обе диагонали и влажность. Рядом поставил дату.

Потом позвонил Зое. Она ответила не сразу. На фоне гудел автобус.

— Ты уже уехала?

— Да.

— Семён подтвердил: партия воздушной сушки. Отец

знал, что зимой нельзя.

— Понятно.

— Я переложил.

— Хорошо.

— Камерный у него есть. Денег хватает на две рамы, если выгрести кассу.

— А девятая?

— Пока нет.

Зоя молчала.

— В понедельник получу счёт за стекло, — продолжил Николай. — Может, выберу поставщика с отсрочкой.

— Пап, я не буду ещё раз спрашивать, скажешь ли ты Верё.

— Я знаю.

— Что знаешь?

Николай посмотрел на подписанный график.

— Что сегодняшняя ошибка моя.

В автобусе объявили остановку. Зоя сказала, что перезвонит из дома, и отключилась.

Николай снял со стены чистую полоску малярной ленты. Написал: «Сырая партия — не использовать в окна». Приклеил к штабелю, поверх красных полос.

До вечера он выбирал материал для четвёртой рамы. Проверял каждую заготовку дважды, записывал влажность и место будущей детали. Работа шла медленнее обычного, зато возле каждой линии теперь стояло число. Из обрезков он не

пытался выжать лишнюю длину. Если сучок попадал в шип, доска уходила в сторону.

Когда детали были готовы, Николай собрал раму насухо. Углы сошлись без киянки. Диагонали совпали до миллиметра. Он простоял над ней несколько минут, не нанося клей.

Это была первая рама заказа, за которую нельзя было отвлечь отцовским именем. Аркадий не выбирал для неё доски, не размечал шипы и не оставлял галку. Если её поведёт, ошибка будет только Николая. Если простоит двадцать лет — тоже.

Он разобрал соединения, нанёс клей и снова стянул углы. На бирке написал номер окна, дату, влажность четырёх деталей и свои инициалы.

За воротами стемнело. До следующей пятницы оставалось семь дней, сухого леса — ещё на три рамы, а обещанных требовалось пять. Николай не знал, где возьмёт материал на остальные. Но сырой штабель больше не назывался запасом. На нём висел честный запрет, написанный его рукой.

Глава 8. Цена ожидания

В понедельник утром Николай позвонил в четыре фирмы, которые делали стеклопакеты. В первой обещали изготовить заказ за двенадцать рабочих дней, но просили всю сумму сразу. Во второй соглашались взять половину, зато доставка из города стоила столько, сколько он рассчитывал потратить на клей и уплотнитель. Третья фирма не брала нестандартные трапеции для двух окон гостевого дома. В четвёртой мастер выслушал размеры и сказал прислать чертежи, после чего назовёт цену к вечеру.

Николай записал ответы на обороте старого счёта. Возле каждой суммы поставил срок и размер предоплаты. Ни один вариант не помещался в остаток кассы вместе с сухим лесом.

На верстаке лежали детали пятой рамы. Четвёртая сохла в струбцинах, три прежние стояли у стены. До пятницы нужно было предъявить девять принятых рам. Даже если считать первую, которую могло повести, недоставало четырёх. Сухих заготовок хватало на три, но одна длинная стойка имела сучок там, где должен был быть нижний шип. Николай уже дважды перекладывал доски, надеясь найти другую схему раскроя.

Он включил станок и тут же выключил. Телефон снова завибрировал на подоконнике. На экране было имя Веры.

— Получили счёт? — спросила она вместо приветствия.

— Жду окончательный из города. Там быстрее срок.

— Вы обещали подтверждённый заказ сегодня.

— День ещё не кончился.

— У меня в одиннадцать встреча. Приезжайте в дом, привезите ваш график и всё, что есть по стеклу.

— Я работаю. К пятнице нужны рамы.

— Мне тоже надо работать. Поэтому в одиннадцать.

Она отключилась прежде, чем Николай ответил. Он посмотрел на заготовки пятой рамы. Поездка туда и обратно займёт почти час, встреча — ещё неизвестно сколько. В пятницу Вера говорила о юристе; вероятно, решила вручить требование лично.

Николай набрал Павла. Тот ответил шёпотом: на рыбокомбинате началась планёрка.

— Сегодня после смены сможешь? — спросил Николай.

— К семи. Если морозильную линию опять не разберём.

— Мне шестую раму надо к завтра собрать.

— Заготовки сделай, соберём.

— И ещё седьмую.

— Коль, я до шести на комбинате.

— Я заплачу.

В трубке стало тихо.

— Чем? — спросил Павел.

Николай посмотрел на кассовый ящик.

— После этапа.

— Это не заплатишь. Это опять подождать.

— Несколько дней.

— Я приду сегодня, как обещал. Но ночевать у станка не буду. И каждый вечер до пятницы тоже не обещаю.

Николай хотел напомнить про сто восемьдесят тысяч, которые отец отдал за повреждённую Павлом рубку. Слова уже поднялись к горлу: после всего, что мастерская для тебя сделала. Он промолчал. В тетради долг Павла стоял рядом с его неучтёнными часами, а точной суммы никто ещё не вывел.

— Ладно, — сказал Николай. — В семь.

Он разложил детали пятой рамы, обвёл сучок и начал переносить разметку. До одиннадцати успел выбрать пазы в двух стойках и порезал палец о свежую кромку. Порез был неглубоким, но кровь попала на светлую древесину. Николай снял стружку рубанком, заклеил палец изолентой и поехал к Вере, захватив папку с четырьмя предварительными расчётами.

Гостевой дом стоял у самого спуска к бухте. После пятничного снегопада двор расчистили, вдоль крыльца тянулась узкая полоса песка. У служебного входа была припаркована старая синяя машина, которой Николай прежде не видел.

В столовой пахло кофе и средством для мытья пола. За сдвинутыми столами сидели две женщины. Одну Николай знал в лицо: Тамара работала поваром в школьной столовой, пока ту не закрыли на ремонт. Вторая, Лариса, летом убирала номера в пансионате на другом конце посёлка. Перед каждой лежали листы бумаги. Вера стояла у окна с папкой.

— Николай Аркадьевич пришёл, — сказала она. — Можно начинать.

— Что начинать? — спросил он.

Тамара поднялась, поздоровалась и снова села. Лариса только кивнула.

— Я договаривалась с ними о работе с первого апреля, — сказала Вера. — Сегодня должна была подтвердить дату.

— До апреля два месяца.

— Поэтому людей и нанимают сейчас, а не когда гости уже в дверях.

Вера указала на свободный стул. Николай остался стоять.

— Окна должны быть готовы первого мая, — сказал он.

— Дом можно готовить до установки.

— Не весь. На втором этаже сейчас заколочены три проёма. В двух комнатах после снега мокрые откосы. Пока нет окон, я не могу закончить отделку и расставить мебель.

Тамара подвинула к себе один из листов.

— Мне надо знать про первое апреля, — сказала она. — В райцентре кафе предлагает с середины марта. Если я откажусь, а здесь открытие сдвинется, мне чем жить?

— Окна будут, — ответил Николай.

Вера не дала ему продолжить.

— Когда?

— По договору — к первому мая.

— В пятницу вы подписали промежуточный срок. Я спрашиваю о нём.

Николай положил папку на стол.

— Вот расчёты по стеклопакетам. Один окончательный будет вечером. Изготовление двенадцать рабочих дней.

— Заказ размещён?

— Выбираю поставщика.

— Оплачен?

— Нет.

Лариса скрестила руки на груди.

— Вера, мы тогда зря приехали? — спросила она.

— Не зря. Я хочу, чтобы все слышали одно и то же.

Николай почувствовал, как горит заклеенный палец. Он не любил, когда заказчик разбирал работу при посторонних. Отец в таком случае вывел бы Веру в коридор и сказал, что либо она доверяет мастеру, либо забирает доски. Но договор теперь касался не только досок, и Вера именно это хотела показать.

— Тамара Павловна и Лариса Андреевна не сторона договора, — сказал он.

— Нет. Они люди, которым я обещала заработок, потому что ваш отец обещал мне готовый дом. Я хочу понять, могу ли повторить им то, что вы говорите мне.

— Я не отвечаю за ваши трудовые договоры.

— А я не прошу отвечать. Я прошу назвать выполнимый срок.

Тамара взяла свою бумагу и протянула Николаю. Это был не трудовой договор, а предварительное соглашение: рабо-

та с первого апреля, оклад, питание, испытательный месяц. Внизу стояли подписи Тамары и Веры. Отдельным пунктом было написано, что при переносе открытия позднее пятнадцатого апреля Вера выплачивает половину месячной суммы или предлагает другую работу.

— Зачем вы это подписали, если окна к маю? — спросил Николай.

— Кухня должна заработать раньше гостей, — ответила Вера. — Меню, закупки, пробные завтраки. Лариса выходит пятнадцатого марта: после строителей надо отмыть двадцать две комнаты. Я не могу вызвать людей за день.

Лариса положила рядом своё соглашение. У неё была почасовая оплата и гарантированные сто двадцать часов за первый месяц. При отмене до выхода — компенсация за двадцать часов. Сумма была не огромной, но Николай быстро сложил её с обязательством перед Тамарой. Получалось почти столько же, сколько стоил сухой лес на три рамы.

— Это ваши расходы на открытие, — сказал он.

— Да, — ответила Вера. — И они растут, пока дом ждёт.

Она достала ещё два листа: бронь оборудования для кухни и соглашение с прачечной. За перенос поставки плиты после десятого марта полагалась доплата. Прачечная держала для гостевого дома недельный объём и просила подтвердить начало сезона.

— Я не предъявляю это мастерской, — сказала Вера. — Пока не предъявляю. Я показываю цену слова «подождите».

Когда ваш отец переносил замер, ждала я. Когда он не заказал стекло, жду я. Теперь ждут они. Если я сегодня скажу Тамаре, что всё точно, а в марте здесь будут фанерные щиты, я поступлю так же, как вы в пятницу.

Николай посмотрел на Тамару. Та отвела глаза и разгладила край соглашения. Лариса, напротив, смотрела прямо.

— Мне не нужна чужая ссора, — сказала она. — Мне нужна дата. У меня дочь в колледже, за общежитие платить до десятого. Если здесь неопределённо, я останусь в пансионате. Там меньше часов, зато они есть.

— Я никого не держу, — ответила Вера. — Но тогда мне надо искать другого человека и платить больше перед сезоном.

Николай сел. На столе лежало уже шесть листов, и каждый был написан яснее отцовской тетради. Сумма, дата, подпись, условие отмены. Ни одного «потом сведём».

— Девять рам к пятнице будут, — сказал он.

Вера медленно закрыла папку.

— Вы уверены?

— Да.

Он сказал это слишком быстро. В мастерской оставалось три комплекта сухого леса. Четвёртый можно было купить у Семёна, если отдать всю кассу, но тогда не останется денег на электричество. Пятой недостающей рамы при любом подсчёте не было. Можно было разобрать первую отцовскую и заменить только влажную нижнюю деталь, если найти подхо-

дящий обрезок. Тогда принятых рам стало бы восемь. Девятую пришлось бы собирать из пограничных досок и сушить их возле печи, рискуя трещинами.

— Девять рам, пригодных к приёвке? — спросила Вера.

— Девять.

— И подтверждённый заказ на стеклопакеты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.